

индивидуального, неповторимого. Свидетельство этому — решение тех же проблем в романах «Скутаревский» и особенно в «Дороге на океан», написанных вслед за «Сотью».

Список литературы: 1. Первый Всесоюзный съезд советских писателей. 1934. Стенографический отчет. М., Гослитиздат, 1934, с. 53. 2. Предисловие Горького к французскому изданию романа Л. Леонова «Барсуки». — В кн.: Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М., Изд-во АН СССР, 1963, с. 265. 3. Власов Ф. Х. Эпос мужества. М., Моск. рабочий, 1965, с. 71. 4. Власов Ф. Х. Эпос мужества. М., Моск. рабочий, 1965, с. 71. 5. Ковалев В. А. Романы Леонида Леонова. М., Изд-во АН СССР, 1954, с. 155, 181. 6. Леонов Л. За всецеловеческое. — 30 дней, 1928, № 4, с. 8. 7. Леонов Л. Избранное. М., Сов. писатель, 1948. 8. Октябрьская газ., 1927, 8 ноября. 9. Старикова Е. Романы Леонида Леонова 20-х годов. Дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук. М., 1950, с. 262. 10. Старикова Е. Леонид Леонов. М., Худо. лит., 1972, с. 172, 167. 11. Финк Л. Уроки Леонида Леонова. М., Сов. писатель, 1973, с. 77.

И. И. МОСКОВКИНА

ПРОБЛЕМЫ ПОЭТИКИ РУССКОГО РАССКАЗА В НОВЕЙШИХ СОВЕТСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Методологические завоевания советского литературоведения, интенсивное развитие новеллистики потребовали глубоко-го историко-литературного и теоретического осмысления этого жанра и его поэтики. Преодолевая тенденции формализма и вульгарного социологизирования [4], современная наука осознала необходимость разработки проблем жанров прежде всего с точки зрения единства их формы и содержания, исторической изменчивости и структурной «устойчивости», органической взаимосвязи специфики жизненного материала, способов его воплощения и авторской индивидуальности. Исследователи отказались при этом от внешне противоположных, но по существу одинаково несостоятельных намерений определить вечные и неизменные схемы и формулы жанра, или подменить теорию жанра его эмпирической историей.

Исходя из представления о жанре как об исторически складывающемся устойчивом типе структуры произведений, современные исследователи внутренних закономерностей малой прозы опираются на конкретный историко-литературный анализ, но в центре его ставят поэтику жанра [см. 1; 10]. Они стремятся определить наиболее устойчивые новеллистические компоненты и типы связей между ними, выполняющие жанрообразующую функцию.

По мнению ученых, жанр рассказа возрождается в «переходные» периоды истории, когда новая общественная тенденция еще не обозначилась в достаточной мере, когда у писателя еще нет возможности увидеть и осмыслить новый общественный процесс в целом. Рассказ большей частью лишь ставит вопрос, лишь нащупывает новые моменты в различных областях жизни человека и общества [см. 10, с. 13—14].

Рассматривая процесс формирования малой прозы в русской литературе, Э. Шубин [10] и А. Нинов [1] показали, что становление шло, с одной стороны, через усвоение жанровых форм западной (более ранней и более развитой) новеллистической литературы, с другой — через преодоление ее индивидуалистического духа, чуждого русскому общественному сознанию. Исследуя с этой точки зрения малые жанры в творчестве Пушкина, Гоголя, Тургенева, Чехова, авторы пытаются определить специфику новеллистической структуры, наиболее устойчивые черты этого вида, оказавшие влияние на практику современной малой прозы. Естественно, что в работах, посвященных современному русскому рассказу, его предыстория дана в самом общем виде и не получила глубокого истолкования. Но при характеристике новеллистической структуры произведений XIX века авторы сделали ряд серьезных наблюдений.

Пытаясь ответить на вопрос, что нового несет рассказ в осмыслении человека и человеческих отношений, социальных и морально-этических проблем [6, с. 203], исследователи прежде всего стремились определить специфику новеллистического конфликта и его типологических разновидностей, характерных для литературы исследуемого периода. В частности, они показали, что одно из свойств рассказа — художественное исследование на материале единичного события значимых, характерных явлений действительности. Это достигается благодаря концентрированности, многозначности самого изображаемого события и сюжетной емкости, содержательности мотивировок, подтексту, многофункциональности и других элементов малой прозы. Таким образом, положительно был решен обсуждавшийся еще в 20—30-е гг. вопрос о познавательных возможностях малого жанра, о его способности к типизации.

Эти выводы существенно конкретизируются при исследовании специфики новеллистического характера и сюжета, организации художественного времени и пространства, особенностей повествования и других жанрообразующих элементов, характеристике способов их организации и содержательной сущности. Этим же проблемам посвящены статьи К. Варшавской [5], А. Хайлова [6], А. Казаркина [5], М. Макиной [5], где на более локальном материале определяются особенности новеллистической структуры разных периодов развития жанра.

Не превращая законы жанровой организации в некий канон, диктующий определенные сюжетные схемы и типы героев, исследователи показали, что выбор внутреннего противоречия, на котором строится рассказ, влечет за собой определенный аспект изображения человека, обусловленный отношением писателя к действительности, его точкой зрения на мир. Рассматривая, каким образом различные концепции человека влияют на художественную структуру произведений и жанровые разновидности рассказа, ученые пытаются определить как

закономерности в изображении героя, свойственные жанру в различные периоды его истории, так и наиболее устойчивые черты структуры новеллистического характера в целом.

Опираясь на исследования В. Гоффеншера, И. Виноградова, М. Петровского и др., разрабатывающих эту проблему в 20—30-е гг., современные авторы пришли к выводу, что рассказу свойственен как «статический», так и «динамический» тип характера. Персонаж может быть представлен какой-то одной своей яркой чертой, за которой, однако, ощущается глубинная суть уже сложившегося характера, раскрывающегося по мере развития повествования. Другими разновидностями являются характеры, претерпевающие либо резкую неожиданную ломку, либо более протяженную во времени эволюцию. В таких случаях качественные изменения характера фиксируются художественно только в определенных эпизодах, тогда как сам процесс изменения остается вне реальности произведения. Именно поэтому для рассказа особенно существенным является создание *перспективы* вероятного развития героя.

Эту функцию выполняет особая организация *сюжета* и специфика *события*, лежащего в его основе. Вообще проблема соотношения *героя и события* и их функций в рассказе издавна является центральной при решении вопроса о его жанровой специфике. В отличие от теории новеллы 20—30-х гг., современные исследователи русской малой прозы пришли к выводу о доминировании в ее структуре *характера* и рассматривают *событие* только как сферу, в которой он проявляет себя через действия или движения внутренней жизни. Поэтому определение типологических разновидностей сюжета вытекает из типов структуры характера.

Анализ жанровой природы сюжетов произведений малой прозы, предпринятый в работах Э. Шубина [10], А. Нинова [1], А. Огнева [1], С. Антонова [1], подтвердил вывод И. Виноградова об *одноконфликтности* рассказа. Если же для художественного изображения требуется несколько событий, то они связаны с одним противоречием, и потому центростремительный характер сюжета обозначен гораздо резче, чем в романе и повести.

Новым аспектом исследования поэтики рассказа в работах последних лет является проблема жанрообразующей роли *ритма, пространства и времени*. По мнению М. Бахтина, «хронотоп в литературе имеет существенное жанровое значение. Можно прямо сказать, что жанр и жанровые разновидности определяются именно хронотопом, причем в литературе ведущим началом в хронотопе является время» [2, с. 235].

А. Огнев [1], К. Варшавская [5], А. Богданова [3] делают первые шаги в изучении этой сложной и многогранной проблемы. Ими намечены аспекты и методика исследования новеллистической пространственно-временной организации, сделаны ин-

тересные наблюдения. Так, например, поставлен вопрос о структурной ограниченности хронотопа в рассказе, его особой концентрации, при которой, как и в поэзии, происходит напластование разных времен, свободный переход от прошлого к настоящему и наоборот, но, как правило, выделяется главный момент течения жизни, изображенный в рассказе.

Перспективна мысль ученых об организующей функции ритма, способствующего созданию особого типа целостности и завершенности произведений малого жанра.

Исследуется специфика *повествования*: особенностей образа автора, отношений автора и героя-рассказчика, роли и функции рассказчика, своеобразия точки зрения и другие аспекты.

При всех положительных результатах работ последних лет очевидны и ощутимы методологические изъяны. Во-первых, методологические установки исследователей не всегда реализуются в исследовательской практике. Если жанр — это исторически складывающийся устойчивый тип структуры произведения, воплощающий его художественную целостность, то специфика жанра может быть установлена только при постижении особенностей всех наиболее устойчивых элементов и их системных связей. На практике этот принцип реализуется только частично. Наблюдения над особенностями элементов рассказов зачастую оказываются характеристикой их художественности, а не жанровой структуры (в результате чего, кстати сказать, художественность трактуется несколько односторонне). Так, С. Антонов в интересной книге «Я читаю рассказ» [1] не столько устанавливает законы поэтики малой прозы, сколько обосновывает общие требования содержательности, идейной целенаправленности всех элементов художественного произведения и демонстрирует технологию его создания на примере рассказа.

В других случаях исследователи определяют действительно специфические жанрообразующие элементы рассказа (например, типы структуры характера или сюжета, типы повествования, специфику новеллистической детали и т. п.), но поскольку взаимообусловленность этих элементов не устанавливается вообще или определяется частично (например, взаимосвязь типа героя и сюжета или типа героя и повествования, типа сюжета и повествования и т. п.), то представления об особом типе целостности произведений не создается.

Не случайно до сих пор нет убедительно обоснованной внутрижанровой типологии малой прозы. Исследователи либо отказываются даже от разграничения понятий новеллы и рассказа (С. Антонов, А. Огнев), либо пытаются определить эти и другие типологические разновидности по некоторым существенным, с их точки зрения, признакам: по проблемно-тематической основе произведений, структуре характера или сюжета, по типу повествования и др. Избирательность художественного материала и элементов структуры, не подтвержденная анализом инвариантности их содержания и жанровой функций, ведет

к несистемности, необязательности внутрижанровой типологии, что, в свою очередь, не позволяет определить наиболее устойчивые и характерные черты жанра и отдельных этапов его развития. Отсутствие же исследований всех важнейших этапов развития рассказа в русской литературе не позволяет определить национальные особенности жанра в целом.

Стремление к максимально широкому охвату текстов и системности при исследовании поэтики малой прозы отличает работы А. Чудакова [8; 9]. В членении системы на уровни он исходит из понимания ее «как соотношения материала (фактов, событий, отобранных писателем из бесчисленного множества явлений эмпирической действительности) и формы его организации» [8, с. 4]. В последних работах исследователь справедливо отказался от двуаспектности принципа выделения уровней [8, с. 4], упрощавшего сложную диалектическую взаимосвязь формы и содержания художественного произведения. Поэтому основанием членения служит материал и выделяются уровни: речевой, предметный, уровень внутреннего мира, сюжетно-фабульный и уровень идей [9, с. 80]. Исследование уровней предполагает определение принципов отбора и организации материала, на основании которых устанавливается изоморфизм всей системы.

Хотя ученый не ставил задачу определения жанровой специфики поэтики Чехова, но предложенные им пути изучения, видимо, могут быть применены при жанровом анализе произведений. Это подтверждает и высказанная им мысль о возможности построения двух моделей системы художественного мира писателя, а также исследование в этом аспекте творчества Чехова [9]. Вторая модель чеховской художественной системы, очевидно, отражает жанровые особенности его поэтики.

Отмеченные уже критикой недостатки способов исследования А. Чудакова [3], а также исключение им из рассмотрения поэтики в плане содержания делают его методологию одним из возможных, но первым этапом анализа идейно-художественной структуры рассказа.

Перед наукой стоит задача создания исторической поэтики малого жанра [7, с. 350]. При этом современное понимание жанра как исторически складывающейся и развивающейся системы требует системного изучения жанрообразующих элементов и типов их взаимосвязи, порождающих внутрижанровые разновидности; системного изучения закономерностей взаимодействия этих типологических разновидностей рассказа в творчестве различных писателей и в литературе определенного периода. Таковы, нам представляется, основные методологические уроки новейших работ в области поэтики рассказа, рассматриваемых в связи с перспективами историко-теоретического изучения жанра.

Список литературы: 1. Антонов С. Я читаю рассказ. М., Мол. гвардия, 1973. 256 с.; Заморий Т. Современный русский рассказ. К. Наук. думка, 1968. 254 с.; Нинов А. Современный рассказ. Л., Худож. лит., 1968. 288 с.; Огнев А. О поэтике современного русского рассказа. Саратов, 1973. 218 с. 2. Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. М., Худож. лит., 1975. 504 с. 3. Бердников Г. О поэтике Чехова и принципах ее исследования. — Вопросы литературы, 1972, № 5, с. 124—141. Богданова А. Время и композиция в современном советском рассказе. — В сб.: Проблемы мастерства советской литературы. Ученые записки Свердловского пед. ин-та, т. 73, 1968, с. 35—55. 4. Варшавская К. К проблеме изучения жанра новеллы. — Ученые записки Томского у-та, 1969, № 77, с. 149—156; Сухих С. Вопросы теории новеллы в литературоведении и критике 20-х годов. — Ученые записки Горьковского пед. ин-та, 1972, вып. 129, с. 57—67; Чернец Л. Из истории изучения литературных жанров в советском литературоведении 20-х годов. — Научные доклады высшей школы. Филологические науки, 1970, № 2, с. 119—124. 5. Варшавская К. Художественное время в новеллистике 80—90-х годов (К постановке проблемы). — Ученые записки Томского ун-та, 1973, № 83, с. 61—69; Казаркин А. К проблеме сюжета лирического рассказа. — Труды Томского ун-та, 1974, т. 252, с. 89—99; Макина М. О своеобразии современной новеллистики. — В кн.: Жанры и стили литературы социалистического реализма. М., 1973, с. 106—119. 6. Хайлов А. Грани рассказа. — В кн.: Жанрово-стилевые искания современной советской прозы. М., Наука, 1971, с. 200—232. 7. Хранченко М. Художественное творчество, действительность, человек. М., Сов. писатель, 1976. 366 с. 8. Чудаков А. Поэтика Чехова. М., Наука, 1971. 290 с. 9. Чудаков А. Проблема целостного анализа художественной системы. (О двух моделях мира писателя). — В кн.: Славянские литературы. VII Международный съезд славистов. М., 1973, с. 79—99. 10. Шубин Э. Современный русский рассказ. Вопросы поэтики жанра. Л., Наука, 1974. 182 с.

А. Д. МИХИЛЕВ, канд. филол. наук

К ПРОБЛЕМЕ ПРИРОДЫ СМЕХА В ТВОРЧЕСТВЕ КУРТА ВОННЕГУТА

На литературоведческом горизонте облик американского писателя Курта Воннегута начал приобретать более или менее определенные черты лишь в начале семидесятых годов, хотя первый его роман «Утопия 14» («Механическое пианино») был опубликован в 1952 г.* и на сегодняшний день он является автором восьми романов, нескольких сборников рассказов, пьесы и телесценария.

«Самый плодовитый американский романист, которого есть все основания назвать мастером именно сатирической фантастики» [6, с. 306], обратил на себя внимание шокирующей необычностью своего таланта, природой и социальной направленностью которого до сих пор получают противоречивые и не всегда верные оценки и в зарубежной и в советской критике.

* В советских работах существует разноречивость по поводу даты публикации этого романа: М. О. Мендельсон указывает 1953 г. [6, с. 306]; М. Коренева в сб. рассказов американских писателей «Гон спозаранку» (М., Мол. гвардия, 1975, с. 282) называет 1951 г. Мы принимаем 1952 г. — дату, которую дает американский исследователь Т. Таннер [9, р. 455].

«Поверхностный и жуликоватый автор научно-фантастических сочинений» [1, с. 211], — так был аттестован Воннегут 50-х годов американской критикой. «Разносторонним и талантливым писателем», который снискал любовь молодежи за его непочтительное отношение к человеческим слабостям и современной жизни, называет Воннегута журнал «Америка» [1974, № 211, с. 18], ловко маскируя остросоциальный смысл его сатиры.

На сегодняшний день для многих американских критиков и исследователей Воннегут — «один из наиболее смелых и дерзких представителей современного поколения писателей, которых принято называть черными юмористами» [2, с. 399], художник, близкий к кафкианскому мироощущению [9, с. 201]. В «черные юмористы» зачислен он и в кратком послесловии советского издания «Утопии 14», где, кстати, его произведение «Да благословит вас бог, мистер Розуотер, или метание бисера перед свиньями» (1965 г.) представлено как три (?) романа [2, с. 399].

В определенной мере склонность рассматривать Воннегута как «черного юмориста» проявляют Н. Губко [4, с. 222] и Т. Хмельницкая [8, с. 247—248], смущенные ошеломляюще дерзкой сатирой «Колыбели для кошки» (1963 г.). Более верной представляется позиция В. Скороденко, рассматривающего книги Воннегута, в частности роман «Колыбель для кошки» как «социальную энциклопедию безумств, где описаны все виды и оттенки глупости», причем в соответствии с законами жанра это описание и «смешно: глупость всегда смешна», и горько: глупость нередко приносит страшные плоды» [7, с. 214].

Безусловно, прав М. О. Мендельсон, который считает, что «гуманистическое и по существу бунтарское творчество Воннегута (хотя писатель и не является приверженцем идей социализма) принципиально отличается от модернизма и циничного «черного юмора», и суть этого отличия он видит в глубоком и неизменном гуманизме сатиры писателя, какой бы неожиданный, «дикий» порою, характер она не принимала [6, с. 323—324]. В свете этих разногласий хотелось бы обратить внимание на некоторые особенности сатирического анализа действительности у писателя.

Идейно-эстетический смысл и художественное своеобразие сатирического произведения, как правило, определяются исходной точкой зрения, позицией, с которой ведется осмеяние тех или иных явлений действительности. Нам представляется, что среди выдающихся американских сатириков XX века как старшего (Марк Твен, Синклер Льюис, Ринг Ларднер), так и младшего поколения (Джозеф Хеллер, Джон Чивер, Арт Бухвальд) Курт Воннегут по глубинной сути своего творчества ближе других стоит к вольтеровской традиции. Объединяет его с Вольтером (хотя, несомненно, справедливы параллели и со Свифтом, Чапеком, Уэллсом, Гоголем) прежде всего настойчивая

просветительская тенденция, апелляция к интеллекту, постоянная позиция «разумного простака» (повествователь Иона-Джон в «Колыбели для кошки», шах Братпура с «задворков цивилизации», оценивающий американский технический рай в «Утопии 14»; Элиот Розуотер в романе «Да благословит вас бог, мистер Розуотер», Билли Пилигрим в «Бойне номер пять» и, наконец, Килгор Траут, гениальный и нищий сочинитель научно-фантастических произведений в «Завтраке для чемпионов») в неразумном мире, тяга к фантастике.

Причем фантастика нужна писателю отнюдь не для постановки тех или иных научных гипотез, а как средство, как прием, позволяющий непринужденно и свободно, без жестких рамок классического сюжета—излюбленная манера Воннегута—трактовать самые жгучие нравственные, этические и социально-политические проблемы. Соотношение реального и фантастического в каждом отдельном случае может меняться, но функциональная роль фантастики остается неизменной — расширение и обогащение гротескно-сатирической палитры для изобличения земного, точнее, американского зла. В этом смысле можно сказать, что фантастика Воннегута предельно заземлена [см. 1, с. 210].

Особенно зримо эта тенденция выступает в романе Воннегута «Завтрак для чемпионов» [3], который в определенной мере представляет собой квинтэссенцию воннегутовского таланта*, хотя на первый взгляд и отличается от остальных романов резким выраженной реалистической манерой письма.

Фон романа — Америка сегодняшнего дня, родовые черты которой запечатлены с особой наивно-неотразимой силой буквально в каждой строчке: «Когда встретились Двейн Гувер и Килгор Траут, их страна была, пожалуй, одной из самых богатых и сильных стран на планете. В ней было много еды, и полезных ископаемых, и машин, и она умирляла другие страны, угрожая им, что обстреляет их гигантскими ракетами или забрасает всякими штуками с самолетов» [3, № 1, с. 158]. Или: «Официантку, подававшую Двейну завтрак в закусочной «Бургер-Шеф», семнадцатилетнюю белую девушку, звали Патти Кин... Она была новехонькой взрослой особью, и работала она, чтобы оплачивать огромные счета докторов и больниц, которые накопились, пока ее отец медленно умирал от рака прямой кишки, а потом и от рака во всем теле. Все это происходило в стране, где каждый должен был сам оплачивать свои счета и где чуть ли не самым разорительным для человека оказывались его болезни» [3, № 2, с. 150].

Как далеки, казалось бы, эти заурядные реалии американского быта — еда, машины, доктора, больницы, счета — от фан-

* По мнению Д. Затонского, «Завтрак для чемпионов»... — наверное, самая бескомпромиссная американская книга последнего времени. Критика социальных пороков достигает здесь наивысшего накала» [5, с. 86].

тастической проекции научно-технической революции в будущее или не менее фантастического оледенения планеты под воздействием страшного «льда-девять» («Колыбель для кошки»).

И тем не менее именно в этом романе присущее Воннегуту органическое слияние реального и фантастического планов достигает своего наивысшего выражения. Оно постоянно вторгается в повествование в оригинальной форме краткого изложения научно-фантастических произведений героя романа, писателя-неудачника Килгора Траута. Однако если в предыдущих романах Воннегута господствовала фантастика, сквозь которую рельефно проступало реальное, то в «Завтраке для чемпионов» само реальное выступает как предельно нелепое, фантастическое, а самый необузданный вымысел лишь высвечивает немыслимо абсурдную американскую действительность (вспомним хотя бы роман Траута «Чума на колесах» о планете Линго-Три, где жители были похожи на американские автомобили и вымирали, «потому, что они изничтожили все ресурсы на своей планете, включая атмосферу» [3, № 1, с. 164], или его рассказ о планете гуманоидов-человекообразных, на которой «города задыхались от кинотеатров, где показывали непотребные фильмы» [3, № 1, с. 175]).

Одна из тенденций воннегутовского сатирического анализа действительности, отчетливо проступающая в его последних романах — изображение аномального, бесчеловечного в формах нарочито будничных, ординарных, кажущаяся индифферентность тона. Писатель как бы подчеркивает, что у него нет необходимости выходить за рамки реального: за него это сделала сама американская действительность. Отсюда стремление к снижению, к систематическому переводу повествования в прозаический, даже примитивный, «комиксный» (густо рассыпанные в романе рисунки, разъясняющие элементарные реалии: американский флаг, револьвер, норка, корова, бомба и т. п.) план. Этот прием позволяет писателю вычленять первозданный смысл вещей и понятий из искажающих их идеологический и иных напластований, причем вычленение этого смысла не только подчеркивает абсурдность общепринятого, но и сопровождается выделением огромного комедийно-сатирического потенциала. Под пером писателя реальные приметы американской жизни создают впечатление нереальности, фантастики. Нормальная в системе лишь буржуазных ценностей, она абсурдна с точки зрения человека, ценностная шкала которого имеет иной масштаб и иной отсчет. Система отсчета Воннегута — гуманизм, здравый человеческий смысл, система же отсчета современной Америки — крайний эгоизм, культивируемый всей социально-политической и экономической организацией американской жизни, эгоизм, который неминуемо ведет к духовной ущербности, к превращению человека в робота, а окружения — в отравленную пустыню.

На несовпадении масштабов измерения, на как будто бы неупорядоченном, случайном (систематическом и четком на самом деле) накладывании явлений американской действительности на ценностную школу гуманизма — и зиждется сатирическая критика Воннегута, базируется его острый, беспощадный к проявлениям зла смех. В этой связи следует отметить органическое слияние бытового и социально-политического уровней повествования в романе. Очень часто жанровая сцена незаметно переходит в социально-политическое обличение, наполняется неожиданно емким смыслом. Вот один из наиболее показательных примеров: «Двейн съел бифштекс с жареной картошкой и выпил кока-колы в новой своей закусочной на Крестьяно-авеню»... Создается впечатление, что при таком зачине выход в сферу более высокого порядка исключен или же маловероятен. Но писатель непринужденно продолжает: «...где строили школу имени Джона Ф. Кеннеди. Джон Ф. Кеннеди никогда не бывал в Мидлэнд-Сити, но он был президентом США, которого застрелили». Историческая справка, не несущая пока что никакого оценочного момента. Остановись Воннегут здесь — и сатирический эффект был бы равен нулю. «Президентов этой страны, — сообщает далее писатель, — часто убивали». Эта фраза уже несет в себе четко выраженную оценку, представляет типичное явление американской действительности как абсурдное с точки зрения здравого смысла. И здесь же он ставит диагноз этого явления: неблагополучие социально-политического климата: «Скверные вещества вроде тех, которые затемняли сознание Двейна (Двейн, персонаж романа, стоит на пороге безумия. — А. М.), сбивали с толку и этих убийц» [3, № 2, с. 148—149]. Но и это еще не все. Беспокойная мысль писателя-гуманиста возвращает читателя к тревожному и грозному историческому опыту; он напоминает о «жителях целой страны под названием Германия», которые «некоторое время были настолько отравлены вредными веществами, что понастроили фабрики, служившие единственной цели — убивать людей» [3, № 2, с. 149].

В другом месте, говоря о печально закончившейся прогулке Траута по Нью-Йорку, писатель следующим замечанием переводит повествование в социальный план: «Место было опасным. Да и весь город был опасным из-за всяких химикалий и неравномерного распределения богатства и так далее... Люди шли на такой страшный риск, вводя всякие химикалии (имеются в виду наркотики. — А. М.) в свое тело, потому что им хотелось улучшить свою жизнь. Жили они в безобразных условиях, и от этого им приходилось делать всякие безобразия. Ни шиша у них не было, так что улучшить окружающие условия они никак не могли. Вот они и шли на что угодно, стараясь как-то украсить хотя бы свою внутреннюю жизнь» [3, № 1, с. 178]. Насмешка писателя, порою злая, беспощадная, постоянно направлена — и в этом ее коренное отличие от «черного юмора» — не против

человека и человечества, а против бесчеловечности буржуазного, в данном случае американского миропорядка. И отнюдь не «непочтительное отношение к человеку», как утверждает журнал «Америка» (1974, № 211, с. 18), составляет пафос его творчества.

Одной из существенных особенностей воннегутовского таланта является умение создавать внутреннее напряжение, строить динамику на развитии (при всей внешней сюжетной неупорядоченности или нарочитой небрежности) основной художественно-этической идеи: социальное неблагополучие, тотальный крах американской системы политических, идеологических, духовных ценностей неотвратимо сопровождается деградацией, катастрофическим распадом человеческой личности. Причем если в ряде ранних произведений писателя — «Да благословит вас бог, мистер Розуотер, или метание бисера перед свиньями», например, — Воннегуту свойственны определенные иллюзии относительно американской действительности (сила доброго примера, благотворительность), то в «Завтраке для чемпионов» все это решительно выбрасывается за борт. Воплощенная в судьбах основных персонажей, — Килгора Траута и Двейна Гувера — в их поступках и размышлениях идея пагубной абсурдности американского бытия пронизывает роман с первой и до последней строчки.

Килгор Траут, никому не известный гениальный писатель-фантаст, зарабатывающий себе на жизнь установкой алюминиевых оконных рам, и безумно богатый Двейн Гувер, торговец автомобилями фирмы «Понтиак» — это художественное воплощение двух человеческих ситуаций, двух этических позиций и, более того, двух Америк, которые одновременно существуют в границах одной и той же страны.

В присущей ему непринужденно-простоватой манере вводит автор читателя в самую суть антагонистической действительности: «Страна Килгора Траута и Двейна Гувера, где всего было навалом, не признавала коммунизма. Там никак не соглашались, что те земляне, у которых всего много, должны делиться с другими, у которых ничего нет, если им этого не хочется. А большинству этого не хотелось. Значит, они ни с кем и не делились. Считалось, что в Америке каждый должен заграбастать, сколько может, и не выпускать из рук. Некоторые американцы здорово сумели всего нахватать и не выпускать из рук. Они стали сказочно богатыми. Другие не могли накопить ни шиша. Двейн Гувер был сказочно богат, когда встретился с Килгором Траутом... А вот что было в те дни у Килгора Траута на нашей планете: ни шиша» [3, № 1, с. 159].

Таким образом, вырисовываются два полюса — «сказочно богатый» Двейн Гувер и нищий Килгор Траут. Между ними и вокруг них — Америка богатства и нищеты, роскошных автомобилей и отравленных рек, обезображенной земли, Америка

фабрик смерти для других народов и порнографически-наркотического ада для своих людей.

С потрясающей убедительностью развивает Воннегут мысль о том, что именно эта действительность и вырабатывает огромное количество незримых «вредных веществ», которые отравляют мозг Двейна Гувера, отравляют всю атмосферу Америки. «Вредные вещества» убивают в человеке духовность, превращают его в машину, не способную иметь «свободную волю», фиксирующую все явления с ужасающим равнодушием робота.

Драма Двейна Гувера (и всей Америки) в том, что его духовное одичание (за всю жизнь он не прочитал ни одной книги) достигло такого уровня, за которым неумолимо начинается мрак сумасшествия. Весь ход американской истории, которая под пером писателя предстает комически-нелепая пародия здравого смысла *, — от смехотворного национального гимна («сплошная белиберда») [3, № 1, с. 156] и непонятных даже самому президенту США денежных символов до нездорового пристрастия к золоту и «норкам нараспашку» (женский секс) — с железной логикой превращает человека в «запрограммированную машину». Двейн Гувер не подозревает, что американское бытие давно уже его автоматизировало, что все знакомые — тоже машины.

Поэтому момент прозрения (под влиянием случайно попавшей ему книжки Килгора Траута) оборачивается для него сумасшествием, и только в этом состоянии в какой-то мере прорывается, пусть анархично и нелепо, его человеческое естество. Трагикомично звучит голос его искаленной и загнанной в глубины подсознания души: «А в коктейль-баре скверные вещества в организме Двейна вдруг заставили его выспросить у Килгора Траута все тайны жизни. «Подайте мне весть! — крикнул Двейн. Пошатываясь, он встал со своего места и плюхнулся на банкетку рядом с Траутом, весь пылая жаром, как перегретый радиатор. — Вести жду!» [3, № 2, с. 194].

В «Завтраке для чемпионов» Воннегут продолжает развивать одну из магистральных идей своего творчества — патогенность психологического климата Америки. Но если в предыдущих романах жертвой этого климата, как правило, становилось «интеллигентное сознание» (Билли Пилигрим, Элиот Розуотер), то здесь писатель показывает, что запрограммированная совесть уже миллионов двейнов гуверов (воплощение ординарности американского сознания) становится все более неспособной выдерживать абсурдное напряжение американской жизни. Миллионы двейнов «ждут вести», вести человечности,

* «Выходило так, — комментирует Воннегут американскую историю, — словно страна говорила своим гражданам: «В бессмыслице — сила» [3, № 1, с. 157].

вести разума*. Носителем этой вести и выступает в своих романах Курт Воннегут и его мудрые чудачки, смешно, но упрямо выламывающиеся из американской действительности своей непоколебимой верой в разум и доброту человеческую.

Именно с этих позиций и выносит писатель свой беспощадный приговор стране, социальная система которой, основанная на незрелости человеческого разума в эпоху первоначального накопления, давно уже стала анахронизмом в современном мире. В мировом историческом процессе духовного прозрения человечества Америка оказалась в комической роли слепого колосса, который безуспешно пытается остановить колесо истории.

Поэтому панорама американской действительности — и в социальном, и в духовном разрезе — и приобретает под пером Воннегута не трагическую, а комедийно-сатирическую окраску. Величие оборачивается духовной немощью, король оказывается голым, да к тому же еще и шутовски нелепым. Пафос художника, вдохновляемого жаждой «символов, не отравленных великими грехами... нации — работоторговлей, геноцидом и преступной небрежностью или глупым чванством, жаждой наживы и жульничества» [3, № 2, с. 208], глубоко гуманистичен и оптимистичен.

Вечные и неизменные спутники разума — сатира и смех — обрели в лице Курта Воннегута верного и отважного рыцаря, а американская литература — выдающегося мастера сатирического анализа, своего воинственного Вольтера.

Список литературы: 1. Вишневский С. Когда реальность абсурдна. — Иностр. лит., 1975, № 2, с. 209—213. 2. Воннегут К. Утопия 14. М., Мол. гвардия, 1967. 400 с. 3. Воннегут К. Завтрак для чемпионов. — Иностр. лит., 1975, № 1—2, с. 154—200, 148—209. 4. Губко Н. Антивоенный роман Курта Воннегута. — Звезда, 1971, № 6, с. 220—222. 5. Затонский Д. Куда идет XX век? — Вопросы литературы, 1976, 8, с. 57—110. 6. Мендельсон М. О. Американская сатирическая проза XX века. М., Наука, 1972. 370 с. 7. Скороденко В. О безумном мире и позиции художника. — В кн.: Курт Воннегут — младший. Колыбель для кошки. М., Мол. гвардия, 1970, с. 212—223. 8. Хмельницкая Т. Сложный путь к простейшим истинам. — Новый мир, 1971, № 4, с. 245—250. 9. *Tony Tanner. City of words.* New York, 1971, 464 p.

* Показательна в этом плане выдержанная в юмористическом тоне сцена в отеле, где некий портье Майло восторженно ждет от Траута рецептов новой, осмысленной и радостной жизни, ибо видит в нем человека, который «осмелился пройти сквозь пламя истины на ту, другую сторону, которой мы никогда не видели» [3, № 2, с. 187].

ИСТОКИ И ОСНОВНЫЕ ЛИНИИ РАЗВИТИЯ ЛАТИНОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVI—XVIII вв. НА УКРАИНЕ И В РОССИИ

Латинский язык был известен на территории нашей страны еще со времен Киевской Руси. Древнерусские земли поддерживали оживленные связи со странами Средней и Западной Европы, где латынь в это время была основным языком государства, церкви, школы, науки и литературы. Немаловажную роль в проникновении латинского языка на русские земли сыграла активная пропаганда римского христианства, осуществлявшаяся католической церковью, которая вела ожесточенную борьбу с церковью Византии за религиозное и политическое влияние на славянские народы. Победа в этой борьбе греко-православной церкви, усилившая попытки католического мира распространить свою веру на Руси, вызвала в русских землях религиозную нетерпимость ко всему, что было связано с католицизмом, включая язык католической церкви — латынь, в течение длительного времени воспринимавшийся как язык политических и идейных противников — еретиков-латинян.

Однако уже в XIV веке, когда по историческим причинам украинский и белорусский народы, пройдя тяжкие годы княжеских междоусобиц и татаро-монгольского нашествия с последовавшим за ними упадком экономической и духовной жизни, оказались в составе Великого княжества Литовского, отношение к латинскому языку начало меняться. Принадлежность к Литовскому государству сблизила Украину и Белоруссию с Западом, с которым Литва, установившая торговые связи с Ганзейским союзом, находилась в тесном общении. С этого времени и начинается влияние западноевропейской культуры на Украину, особенно усилившееся после Люблинской унии 1569 г., когда украинские земли вместе с литовскими и белорусскими, став частью Речи Посполитой, попали под владычество Польши, незадолго перед тем вступившей в пору своего политического и культурного расцвета.

Ярким свидетельством западноевропейских влияний явилось широкое распространение на Украине латинского языка, который, начиная со второй половины XVI века, прочно утвердился в школе, став поначалу предметом обязательного изучения, а позднее и языком преподавания учебных дисциплин. Так, например, в Киево-Могилянской академии на латинском языке читались все, без исключения, учебные курсы, в том числе и богословие — факт поистине парадоксальный, если учесть не затухающую на протяжении веков идеологическую борьбу между греко-православной и латинско-католической церковью. Латинский язык, кроме того, стал использоваться как деловой и литературный язык в дипломатических и административно-го-

сударственных документах, а также в научных, религиозно-полемических и художественных сочинениях. От этого периода (XVI—XVIII вв.) до нас дошло немало памятников отечественной латиноязычной литературы.

Однако, несмотря на многочисленность этих памятников и большое значение их для развития национальных литератур и литературных языков, до нынешнего времени они почти не исследованы. В недалеком прошлом такое же явление имело место и в других европейских странах, на что указывал известный исследователь истории научной литературы на новых языках Леонардо Ольшки: «Латинский язык этого времени — совсем еще не исследованная область; он образуется из соединения восходящей к отцам церкви схоластически-церковной латыни с античными, гуманистическими и народными элементами. Это огромное обогащение словаря, оборотов речи и способа выражения мыслей делает его мировым языком в самом широком смысле слова. Он соединяет в себе все элементы духовной жизни Европы, он создан из римских, греческих, испанских, германских, французских, итальянских, арабских и других элементов и стал общим языком (койнэ) ученого мира» [11, с. 45].

О необходимости внимательного изучения латиноязычного наследия говорит и крупный советский исследователь русской литературы эпохи Просвещения П. Н. Берков в статье «Проблема литературного направления Ломоносова», где упоминает о забытой, но чрезвычайно важной особенности русской и общеевропейской культуры XVII—XVIII веков — о латинской образованности как основе всех гуманитарных наук и литературы того времени [3].

Следует, однако, отметить, что в последние десятилетия в романо-германских и западнославянских странах (Польша, Чехословакия) интерес к новолатинской литературе значительно возрос. В нашей отечественной научной литературе стали также появляться отдельные исследования, посвященные данной проблеме. К числу их относятся диссертации Н. Г. Корж, изучавшей лексику латинских писем Г. С. Сковороды [6], Н. И. Безбородько, исследовавшей особенности латинского языка XVII века на материале философских трактатов Киево-Могилянской академии [2], М. П. Тереховой и О. И. Бурнос, посвященные языку научной медицинской терминологии в латиноязычных произведениях знаменитого русского хирурга Н. И. Пирогова [13], а также ряд статей В. П. Маслюка о латинских риториках XVII—XVIII веков [9], Н. Г. Корж и Ф. И. Луцкой о латинской поэзии Г. С. Сковороды [5], В. М. Ничик и Я. Д. Роговича о латиноязычных стихотворениях Феофана Прокоповича [10]. Отдельные замечания о месте латинского языка в системе школьного образования и о влиянии его на лексику и синтаксис белорусского литературного языка содержатся в монографии А. И. Журавского [4].

Значительный вклад в разработку рассматриваемой проблемы внес Институт языкознания АН УССР, издавший в 1973 г. «Лексикон латинский Е. Славинецкого» и «Лексикон словено-латинский Е. Славинецкого и А. Корецкого-Сатановского» [7], а также Институт философии АН УССР, подготовивший к изданию трехтомник философских сочинений Феофана Прокоповича, значительную часть которых составляют переводы его латиноязычных произведений.

Однако все это лишь первые шаги в освоении мало изученной, но важной области отечественной культуры.

В разработке данной проблемы перед исследователями возникает немало трудностей, связанных в первую очередь со значительным объемом сохранившихся текстов и большим жанровым разнообразием латиноязычной литературы, обслуживавшей самые различные сферы государственной и культурной жизни общества того времени. К этому присоединяются сложности, связанные с нахождением подлежащего исследованию материала, рассеянного по многочисленным архивам, книгохранилищам и библиотекам, в которые попали старые монастырские и частные коллекции.

Немаловажным препятствием технического характера является рукописная форма значительной части сохранившихся источников, работа над которыми требует специальных текстологических знаний и навыков.

Поэтому для решения настоящей проблемы потребуется, как вполне очевидно, объединение усилий большого коллектива исследователей — специалистов в области истории, философии, литературы, а главное — квалифицированных филологов-классиков, знакомых с особенностями латинского языка нового времени. Ведь, как известно, латинский язык этого периода являет целый ряд новых черт в области лексики и фразеологии, синтаксиса и стилистики. Обслуживая разные, в том числе и совершенно новые для него сферы общественной жизни, латинский язык предстает перед нами в различных функционально-стилистических разновидностях, не известных предшествующим этапам его развития.

Так, господство религиозного мировоззрения в XVI—XVIII веках явилось причиной использования латыни прежде всего в богословии и религиозной полемике, которая часто выходила за пределы религиозных проблем, охватывая область политики, этики, философии, идеологии вообще. В этом наглядно проявилась открытая Ф. Энгельсом закономерность идейной борьбы средневековья, когда нужды и требования отдельных классов приобретали ярко выраженную религиозную окраску, и религиозные лозунги, под знаком которых проходила эта борьба, становились одновременно лозунгами политическими [1, с. 76, 231].

В XVIII веке ведущее место в системе наук начинают занимать этика и философия, из которой постепенно вычленяются естественные и точные науки. На латинском языке в этот период пишутся трактаты и курсы лекций по философским дисциплинам, а также по физике, математике, астрономии, механике, медицине, химии. В Академии наук и Московском университете латынь становится языком академических журналов (*Acta academica*), научных диспутов, впервые появившихся на Украине в XVII веке, научных докладов, диссертаций, научной и деловой переписи и документации.

Что касается словесных наук, то в этой области знания латинский язык стал неизменным языком преподавания, выступая в этой роли со времен первых украинских коллегиумов и Киево-Могилянской академии вплоть до риторики и грамматики Ломоносова. Весьма показательным в этом отношении является тот факт, что даже один из ранних учебников украинского языка (автор — И. Ужевич) был написан на латинском языке.

Латинский язык обслуживал также и некоторые стороны деловой жизни, получив особое распространение в этой своей функции на Украине в период польского владычества и в последующие за ним времена, особенно в области дипломатии, судопроизводства, исторических документов, включая генеалогию и геральдику. Весьма употребительной была латынь и в эпистографии (дипломатическая и научная переписка, общественно-публицистические и частные письма).

Особое место занимает художественная литература на латинском языке, представленная преимущественно поэтическими произведениями, среди которых большое распространение получили такие поэтические формы, как стихотворный панегирик и развившаяся из него ода, эпическая поэма, элегия, сатира, басня, эпиграмма, эпитафия, стихотворения на случай, надписи к эмблемам и портретам, наконец, различные виды драматических произведений: диалоги, интермедии, драматические сценки, драмы.

С сожалением можно констатировать тот факт, что весь этот богатый и разнообразный латиноязычный материал в массе своей не только не исследован, но даже и не переведен, и потому остается неизвестным широкому кругу литературоведов и читателей. Это подчеркивает и украинский поэт Р. Лубкивский в предисловии к переводам А. Содоморы Павла Русина [8, с. 14]. Исключение представляют лишь переводы отдельных стихотворений Г. С. Сковороды и его писем, философских сочинений, писем и стихотворений Феофана Прокоповича, поэмы *Roxolania* Кленовича, а также прекрасные переводы А. Содоморы из Павла Русина [12, с. 15—22].

Итак, перед современными учеными-гуманитариями стоит важная задача заполнить существенный пробел в истории отечественной культуры, определив на конкретном фактическом

материале роль латинской образованности и латиноязычной литературы как одного из факторов становления наших национальных литератур в их связи с мировым литературным процессом.

Список литературы: 1. К. Маркс и Ф. Энгельс о религии. М., Госполитиздат, 1955. 304 с. 2. *Безбородько Н. И.* Язык латинских трактатов украинских философов XVII века. Автореф. дис. на соиск. уч. степени д-ра филол. наук, К., 1972. 54 с. 3. XVIII век, вып. 5, М.—Л., 1962. 287 с. 4. *Журавский А. И.* Гісторія беларуской літаратурнай мовы, т. 1, Минск, Изд-во АН БССР, 1967. 327 с. 5. *Корж Н. Г.* Латинські віршовані твори Г. С. Сковороди. — У зб.: Григорій Сковорода, 250. К., 1975, с. 175—180; *Луцька Ф. Й.* Жанр епіграми в творчості Сковороди, там же, с. 181—196. 6. *Корж Н. Г.* Место и особенности латинского языка в творчестве Г. С. Сковороды. Автореф. дис. на соиск. уч. степени канд. филол. наук. Х., 1956. 16 с. 7. Лексикон латинський Є. Славинецького. Лексикон словено-латинський Є. Славинецького та А. Корецького-Сатановського. К., Наукова думка, 1973. 541 с. 8. *Лубківський Р.* Передмова до перекладів А. Содомори віршів Павла Русина. — Жовтень, 1976, № 11, с. 14. 9. *Маслюк В. П.* Теорія епіграми в українських шкільних поетиках XVII — першої половини XVIII ст. Питання класичної філології, Львів, 1973, № 11, с. 71—76; Он же. Із спостережень над вітчизняною риторикою 1636 року. — Оратором могилянським. Й. Кононовича-Горбацького, там же, 1974, № 12, с. 28—33; Он же. Подбор слов (*delectus verborum*) стилістическої теорії авторів отечественних латиноязычних поетик и риторик XVII — першої половини XVIII века, там же, 1977, № 14, с. 90—95. Он же. Теорія Кончетто у вітчизняних латиномовних поетиках XVII — першої половини XVIII ст.; там же, с. 103—109. 10. *Ничик В. М., Рогович Я. Д.* Феофан Прокопович в рукописних збірниках XVIII в. — Русская литература, 1976, № 2, с. 91—97. 11. *Ольшики Л.* История научной литературы на новых языках. М.—Л., т. II. ГТТИ, 1934. 211 с. 12. *Содомора А.* Переклад віршів Павла Русина. — Жовтень, 1976, № 11, с. 15—22. 13. *Терехова М. П.* Лексика и терминология труда Н. И. Пирогова *Anatome topographica*. Автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук. Х., 1969. 24 с.; *Бурнос О. И.* Лексические и грамматические особенности латинского языка труда Н. И. Пирогова «*Num vinctura aortae abdominalis in aneurismate inguinale adhibitu facile ac tutum sit remedium*». Автореф. дис. на соиск. уч. степени канд. филол. наук. М., 1970. 18 с.

Н. И. СУКАЛЕНКО

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СОЧЕТАЕМОСТЬ И НОРМА

Чрезвычайная сложность лексической сочетаемости объясняется тем фактором, что соединение слов осуществляется по различным законам, отражая явления традиционной нормы (ср.: играть роль, но иметь значение, недостатки искоренить и ликвидировать, но неграмотность только ликвидировать), сбыться (о мечте), но оправдаться (об опасении); структуру логических отношений объективной действительности (видят глазами, слышат ушами и т. д.); некоторые обстоятельства, связанные не с устройством денотатов, а с их функционированием (бульон из тарелки едят, из чашки пьют) [см. 2, с. 87]. Для сочетаний первого рода закономерен вопрос об их правильности или неправильности и некорректен вопрос о причинах запрета.

Нормативные закономерности лексической сочетаемости не лежат на поверхности создания носителей языка прежде всего из-за огромного количества слов, соединяющихся друг с другом, и поэтому строгой кодификации не подлежат. Как отмечают психологи, «составной частью сложного языкового устройства является громадный алфавит сочетаний из двух слов, но жесткий и полный список всех слов будет обременителен для памяти» [см. 3, с. 63]. Однако огромное количество сочетаний — не единственная причина отсутствия строгой кодификации. «Наше знание языка с его нормами и наше владение им, — как подчеркивает Д. Н. Шмелев [см. 6, с. 46], — определяется, конечно, речью, которую мы слышим, и текстами, с которыми нам приходится знакомиться». Иными словами, автоматизм употребления определенных сочетаний порождается их частой встречаемостью в речи и текстах. Но дело в том, что далеко не каждое встречающееся сочетание мы можем охарактеризовать как безусловно правильное или неправильное (легче всего это сделать в случаях с уникальной валентностью, ср.: карие — только о цвете глаз или о масти лошади, беспробудное — только о пьянстве и т. д.). Между двумя этими полюсами находится обширная зона промежуточных случаев, объяснить которые можно только сложным взаимодействием самых разнообразных обстоятельств. Например, Н. Д. Арутюнова отмечает, что иногда выбор слова определяет тот референт, к которому оно относится. По ее словам, можно сказать каштановый применительно к шерсти животного и даже шкуре, но, превратившись в мех или пальто, шкура меняет свой цвет на коричневый [см. 2, с. 86]. Однако если нам необходимо по возможности точно дифференцировать оттенок цвета мехового пальто или меха на воротнике, то вполне вероятны следующие предложения: «Ее пальто не коричневого, а скорее каштанового цвета», «Мех на ее воротнике каштанового оттенка». Правда, в данном случае слово цвет, имеющее безграничную сочетаемость, нейтрализует отрицательную валентность сочетаний каштановое пальто или каштановый воротник, но при всех ли обстоятельствах безусловно неправильно предложение: «У нее на воротнике мех не коричневый, а скорее каштановый»?

Еще более сложное и совершенно неизученное явление представляют собой закономерности тройной сочетаемости, на существование которой обратил внимание Ю. Д. Апресян (ср. возможность сочетаний огромная власть, укрепить власть, но невозможность — укрепить огромную власть) [см. 1, с. 337]. Вероятно, данный пример Ю. Д. Апресяна не совсем удачен: огромная власть не нуждается в укреплении, но определенные закономерности тройной сочетаемости, по-видимому, существуют. Ср., напр., оригинал и перевод следующих предложений: *And smiling he drifted out of the gallery again, blue and solid like the smoke of his excellent cigar* (J. Galsworthy. *To Let*).

Он улыбнулся и поплыл прочь от галереи, синий и крепкий, как дым его превосходной сигары. Maude was snub-nosed and elfin eared, a skinny excitable girl who from her father had inherited Irish black eyes and from her mother platinum hair pale as morning (T. Capote. The Grass Harp). Мод была худая, как спичка, нервная девочка со вздернутым носом и маленькими ушками; от отца она унаследовала черные ирландские глаза, а от матери — платиновые волосы, блеклые, словно раннее утро. В приведенных примерах третье слово требует замены одного из двух слов словосочетания даже в том случае, если это словосочетание привычно для данного языка. Так, в русском языке сочетание голубой дым распространено более широко, чем синий дым, но голубой дым как символ нежности и поэтичности не сочетается со словом крепкий и поэтому меняется на синий; сравнение с утром ассоциируется с чистотой, ясностью и свежестью, с этим обстоятельством и связана необходимость добавления слова раннее, так как сочетание платиновые волосы, блеклые, словно утро, дефектно с точки зрения нормы русского языка.

Более того, характеризуя такое сложнейшее явление, как норма, Ю. Д. Апресян делает предположение о существовании сочетаемости — несочетаемости в пределах четырех, пяти и т. д. словоформ [см. 1, с. 337].

Анализ «отрицательного языкового материала», по терминологии Л. В. Щербы, поможет обнаружить скрытые закономерности лексической сочетаемости.

Этот материал охватывает как бы два противоположных явления, объединяя ошибки по незнанию нормативных закономерностей и намеренные отступления от привычной нормы, используемые писателями и поэтами для нарушения автоматизма повседневной речи.

Высказывания с ошибками первого рода всегда содержательны, так как нарушается не структура логических отношений объективной действительности, а языковая норма. Напр., если мы услышим в речи иностранцев, недостаточно хорошо владеющих русским языком, война завязалась (вместо вспыхнула, началась), устранять единство (вместо подрывать), поддаться препятствию (вместо спастись перед препятствием), то нам не потребуется ничего уточнять [см. 5, с. 92]. На информативность сочетаний «она женилась на Пете», «заяц окотился», «художник рисует маслом», «коричневые глаза», указывает Н. Д. Арутюнова [см. 2, с. 120].

В художественной речи вообще и в поэтической в особенности разрушаются отношения смысловых реальных понятий. Это нарушение возможно прежде всего из-за сочетаемости, т. е. смежности, в реальном мире никак не связанных между собой объектов. Сам факт смежности, по мысли И. И. Ревзина, приводит к тому, что в поэтической речи каждое слово может

получать сколько угодно дополнительных схем из-за соседства с другими словами [4, с. 225]. Напр., в слове обвал из цветаевской фразы «обвалом лавра я тебя загораживаю от зала» из-за соседства со словом лавр на первый план выдвигаются семы большого количества и стремительности действия, а сема разрушения полностью затушевывается.

Как известно, глагол в миниатюре содержит определенную ситуацию, предопределяя до некоторой степени семантику субъектов и объектов действия (ср.: литься о жидкостях и т. д.). Поэтому при изменении нормативной сочетаемости новые субъекты или объекты частично сохраняют семантику старых (ср. пример из стихов Г. Державина, приведенный Н. Д. Арутюновой: «Алмазна сыплется гора», т. е. обращается внимание на зернистость водопада [см. 2, с. 91]).

Если слово, имеющее единичную сочетаемость (типа крошечный ад, тьма) соединяется вместо ожидаемого с другим словом, то последнее как бы отсвечивает семантикой ожидаемого. Так, для современного читателя слово лето в предложении А. Вознесенского «не до муз этим летом крошечным» семантически связано со словом ад, хотя словарь под редакцией Д. Н. Ушакова отмечает как устаревшее значение слова крошечный — «тягостный, отчаянный». Нарушение автоматизма повседневной речи может объясняться не только появлением у слов добавочных смыслов, возникающих благодаря смежности данных слов, но и прямым разрывом логических отношений объективной действительности. Так, при описании чувственного познания мира слова из разных сфер сочетаются друг с другом вопреки реальному устройству мира (ср.: «солнца луч умолк» у Данте, «пошли смотреть грома» у К. Паустовского, «зрячих пальцев стыд» у О. Мандельштама, «мятный свет звезды дочерней» у А. Вознесенского), в поэтической речи вместо ожидаемых вещественных материальных объектов возникают нематериальные (ср.: «Воздух замешен так же густо, как земля» у О. Мандельштама, «день промыт, как стекло» у А. Тарковского).

Особый тип нарушений логических отношений объективной действительности представляет несоответствие грамматической и логической однородности — неоднородности, т. е. грамматически однородные члены объединяют логически несовместимые понятия (напр., «в капиллярах ненастья и вереска» у Б. Пастернака, «немного красного вина, немного солнечного мая...» у О. Мандельштама). Следует отметить, что грамматическая однородность эксплицитно может быть не выражена, однако данное сочетание всегда допускает трансформацию в конструкцию с однородными членами. Напр., сочетание Б. Пастернака «прибавить к сумеркам коринки» можно заменить на «смешать сумерки и коринку».

Нарушение логических отношений объективной действительности может сочетаться с нарушением лексической валентности, что нередко создает комический эффект (напр., заклятые друзья, отъявленные молодцы). В данном случае прилагательные заклятые и отъявленные нормативно сочетаются только со словами враги и названиями лиц, которые всем известны своими отрицательными качествами (ср. отъявленные негодяи, подлецы, плуты, мошенники и т. д.). Замена же нормативно требуемых существительных их смысловыми антонимами и сохранение прилагательными прочной ассоциации с семантикой прежних существительных и создает комический эффект.

Новизна информации художественной речи также может объясняться ее особой сгущенной семантикой, связанной с сокращением числа смысловых шагов, что, в свою очередь, вызывает необычную сочетаемость: «Так в ночь глядит последними глазами наложница последнего царя» (М. Цветаева), «столько прошлых дров накололи» (А. Вознесенский), «ранний школьник, портфель бросив под ноги, стоял...» (Вл. Орлов).

В заключение следует отметить, что, по-видимому, все случаи нарушения сочетаемости, отнесенные к художественной речи, потенциально заложены в повседневной: вопрос сводится лишь к их большей частности в художественной речи. В свою очередь в речи бытовой, повседневной они также встречаются с различной частотой и поэтому кажутся более или менее привычными. Напр., нарушение логического противопоставления одушевленности (неодушевленности) из-за его частой встречаемости в художественной речи и в бытовой речи может пройти почти незамеченным (ср.: голубоглазый василек, наивные аютины глазки). Сокращение же числа смысловых шагов, по всей вероятности, будет более ощутимо. Однако этот вопрос требует специального изучения.

Список литературы: 1. *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., Наука, 1974. 367 с. 2. *Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл. М., Наука, 1976. 383 с. 3. *Жинкин Н. И.* Грамматика и смысл (разбор случая семантической афазии у ребенка). — В кн.: *Язык и человек.* Изд-во Моск. ун-та, 1970, с. 63—83. 4. *Ревзин И. И.* Современная структурная лингвистика. М., Наука, 1977. 263 с. 5. *Сукаленко Н. И.* Двухязычные словари и вопросы перевода. Изд-во Харьк. ун-та, 1976. 152 с. 6. *Шмелев Д. Н.* Русский язык в его функциональных разновидностях. М., Наука, 1977. 167 с.

Е. Ф. ШИРОКОРАД

СЛОВА ЭКСКЛЮЗИВНОЙ СЕМАНТИКИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Категория эксклюзивных слов была выделена для английского языка представителями логической теории значения Р. Холлом, Дж. Сирлом. Уточнения в разрабатываемое ими

понятие вносит, опираясь на факты русского языка, Н. Д. Арутюнова, посвятившая изложению указанной теории специальную статью [1]. Как типичное явление русской разговорной речи эксклюзивные слова отмечены Л. А. Капанадзе, которая определяет их термином слова — «губки» [3].

В соответствии с представлениями названных ученых эксклюзивная семантика характеризует слова чрезвычайно общего и неопределенного значения, «всегда конкретизируемые лишь ситуацией и контекстом речи» [3, с. 453].

Эксклюзивная семантика имеет ситуативный характер. «Ситуацией речи «задается» какое-то свойство, качество, «индивидуальность» вещи, а когда надо выразить отсутствие этого качества, то есть семантически противопоставить одно слово другому, в ход идут «всезначащие» слова» [3, с. 455].

Эксклюзивная семантика проявляется в «таких лексико-семантических противопоставлениях, которые и существуют только в условиях определенной ситуации речи» [3, с. 455]. На наличие ситуативного противочлена как необходимое условие эксклюзивной семантики указывают также Р. Холл и Н. Д. Арутюнова. Ср.: «3) Противочлен эксклюзивного слова представляет собой переменную величину, определяемую контекстом» [1, с. 97].

Отмечается возможность употребления в роли противочлена эксклюзивного слова слов различных лексико-грамматических разрядов, а также указывается на нефиксированность его синтаксической функции, причем эти явления не рассматриваются как взаимообусловленные.

Вообще же понятие эксклюзивной семантики для современного русского языка является неразработанным, не очерчен в целом круг лексических единиц, обладающих указанным свойством, не выяснены условия ее проявления. Между тем данное явление в плане изучения противопоставления «язык — речь» представляет особый интерес. Слова указанного типа нельзя считать изученными и в аспекте ономастическом.

Содержание данной статьи составляют предварительные наблюдения над употреблением в литературно-художественной речи прилагательных настоящих, подлинный, действительный, истинный и др., синонимизирующихся с первыми двумя (основными в данном ряду) в отдельных значениях, которые относятся к группе слов с обобщенной, широкой семантикой, а следовательно, потенциально расположенных к эксклюзивности. (В качестве примера эксклюзивного слова для английского языка Р. Холл приводит прилагательное *real* «настоящий»; Н. Д. Арутюнова иллюстрирует свои положения прилагательным *обычный*, Л. А. Капанадзе наблюдает прилагательные *нормальный*, *простой*, *прямой*, *пустой*).

Перечисленные прилагательные в современном русском литературном языке являются многозначными, о чем свидетельст-

вуют и данные толковых словарей. Однако не во всех своих значениях, более или менее широких по объему, они могут функционировать как эксклюзивные слова. Точно так же не все они в тождественных значениях одинаково продуктивны в указанном отношении. Ярким эксклюзивным словом среди перечисленных прилагательных является лишь настоящий, менее характерным — подлинный, остальные в литературно-художественной речи эту особенность проявляют слабо.

Лексико-семантическое противопоставление, на которое указывают как на необходимое условие существования эксклюзивной семантики, не следует понимать как строгую антонимию. Указанное противопоставление должно трактоваться не только как эксплицитно выраженная противоположность, а шире — как всякое различие.

Главным в данной речевой ситуации является «присутствие» противочлена, поскольку он является маркированным членом противопоставления (=различия), тогда как «слова с обобщенным значением выступают... в качестве немаркированного члена противопоставления» [3, с. 455].

Учитывая сказанное, можно выделить такие типичные случаи употребления рассматриваемых прилагательных как эксклюзивных слов.

Эксклюзивное слово и его противочлен в конструкциях закрытого типа относятся к одному и тому же слову, как обозначению, названию предмета, явления и т. п. того же класса, так что различие в данном случае основано лишь на признаках, обозначаемых прилагательными. Семантический вес прилагательного общего содержания сохраняется, в речи оно является значимым, таким же полноценным, как и его противочлен. При этом круг противочленов, конкретизирующих семантику эксклюзивного слова, лексически является более широким, более разнообразным, чем это наблюдается при строгой антонимии, что закономерно для открытого (синхронно) ряда, образуемого переменными противочленами. В этом случае конкретизируются такие значения прилагательных:

а) «соответствующий действительной природе вещей», или «такой, каким является (должен быть) по своему качеству», или «представляющий собой норму качества». Ср.: «Тебе идет эта рубашка, — сказала она и пощупала шелк — искусственный или настоящий» (В. Панова. Времена года); «Он хромал на левую ногу; утверждали, что эта нога поддельная, а что настоящую сломали ему... в Париже, зато приставили новую, какую-то особенную пробочную» (Ф. Достоевский. Дядюшкин сон, 2); «Две стопки учебников на землю — это штанги, мяч не тряпичный, а настоящий...» (В. Амлинский. Жизнь Эрнста Шаталова); «И хотя колхозники относились к ней с уважением, но и уважение у них не настоящее, а снисходительное...» (С. Антонов. Дело было в Пенькове, 14); «Продается все [на

базаре] — сладости, смолы, запахи — искусственные и натуральные» (В. Каверин. Перед зеркалом, 2,5); «В поэзии утонченность мнимая и действительная... имеют множество проявлений» (В. Федоров. Уроки поэзии); ср. также: [Исаев:] «Ты его покорми пшенкой. И нормальной солью присаливай, а то он рыбацкую не переносит» (Ю. Семенов. Бомба для председателя).

Одинаковую семантическую роль прилагательного с общим значением и его противочлена подтверждают номенклатурные (и не только) наименования, ср.: натуральный шелк — искусственный шелк; нормальная температура — повышенная; антовка обыкновенная и т. п.

б) «Соответствующий действительному положению вещей», или «реальный; фактический», ср.: «У него была одна жена фиктивная, другая — настоящая...» (Л. Толстой. Воскресение); «В Эрлау к нам присоединился... один очень загадочный господин. На афишах он назывался Энрико, но это имя было, очевидно, вымышленное. Настоящего же его имени и происхождения никто не знал» (А. Куприн. Лолли); «Вася... остался при полковнике..., оберегал его от опасностей, действительных и мнимых» (К. Симонов. Зрелость).

в) «Соответствующий качеству вещи» ср.: «[Опольев:] Премного вам благодарен, господин Никифоров, но я должен предупредить вас, что, к сожалению, я не в состоянии заплатить вам настоящей платы за уроки... Так, если небольшую плату...» (К. Станюкович. История одной жизни).

Два последних случая отражают более свободное употребление наблюдаемых прилагательных, так как они не «затрагивают» собственно качества предмета: модальное значение — в первом случае, оценочное — во втором.

В соответствии с прилагательным в роли противочлена могут выступать номинации различного типа вплоть до глагольных, характерных как раз для разговорной речи, и даже целых предложений. При этом эксклюзивный характер проявляют прилагательные в первых двух значениях (а, б). Ср.: «Интересно отметить, что в ленте Лукинского настоящие самолеты и подлинные воздушные съемки выглядят менее убедительно, нежели те, что выполнены художником методом доматетки» (Б. Дуленков. Арсений Клопотовский. Эскизы к фильмам); «[Дядя Петя]... говорит им сказку. Не настоящую, а придумал» (А. Куприн. Елка в капельке); «[Тихон:] Но я песни очень люблю. Не такие, как сейчас по этому ящику блеют, — он указал на телевизор, — а настоящие, под хороший оркестр» (Н. Велембовская. Сладкая женщина) и т. п.

При эксклюзивном употреблении прилагательных нашего ряда в роли противочлена может выступать существительное или словосочетание из существительного с прилагательным, обозначающие предмет, явление и т. п. иного класса, иной катего-

рии, чем то, которое определяется эксклюзивным словом. В таких ситуациях наблюдаемые прилагательные выступают как своеобразные модифицирующие слова: определяемое ими качество представляется как более значительное по сравнению с качеством ниже «рангом», качеством, характеризующим предмет, явление более низкой категории, как качество, «соответствующее действительной природе вещи», в отличие от подделки, имитации в самом широком смысле. Такое значение характеризует преимущественно прилагательное настоящий в его лексическом значении «соответствующий действительной природе вещей», или «соответствующий норме качества». Ср.: «Кресла обтянуты настоящими тигровыми и леопардовыми шкурами, на стенах не репродукции с Гогена, а настоящий Пикассо...» (Ю. Семенов. Бомба для председателя); «Это не была настоящая заячья губа, но какой-то намек на заячью губу» (Ю. Трифонов. Другая жизнь); ср. также: «Букет был грубый, несуразный, дикий, (но, сжав бессильно свой садовый ножик), швейцарец ощутил, что он — кондитер, а этот мальчик — истинный художник» (Е. Евтушенко. Искусство составления букетов); «Не молоко, а форменные сливки, — уже веселее подтвердил Макар Петрович» (Г. Троепольский. Соседи).

Подобное употребление возможно и в значении «соответствующий действительному положению вещей», ср.: «[Тригорин:] Никто не знает вашей настоящей фамилии, так как вы печатаетесь под псевдонимом» (А. Чехов. Чайка, с. 4); «Я знаю только, что настоящее завещание у него в бюро, а это забытая бумага» (Л. Толстой. Война и мир, т. 1, ч. 1, XXI) и т. п.

Здесь, как и во всех других случаях, прилагательное настоящий сохраняет свое модальное значение, которое не получает (и не может получить) какой-либо конкретизации.

Противопоставление по качеству наблюдается и в случаях выражения его другими средствами, не именными: «Пароходный гудок засипел, точно он от простуды никак не мог сначала выдать из себя настоящего звука» (А. Куприн. Морская болезнь).

Наблюдаются случаи, когда возможность неправильного понимания рассматриваемых прилагательных исключается вне эксплицитно выраженного противочлена и при отсутствии явного противопоставления. Эксклюзивность в этих условиях создается за счет уточняющих, конкретизирующих семантику изучаемых слов прилагательных, выступающих в той же синтаксической позиции, что и основное слово. Конкретизирующее прилагательное выделяет основной, значимый в данной ситуации признак предмета, явления и т. п. Ср.: «Убедившись, что в руках его [Аггея Фомича] настоящий, не фантастический бумажник, он судорожно притиснул его к груди» (А. Куприн. Миллионер).

Оба (с противочленом и без противочлена) способа проявления эксклюзивной семантики могут взаимодействовать в одной речевой ситуации. Ср.: «Только теперь, с помощью чувства

правды, мне удалось достигать подлинного, естественного, а не насильственного ослабления мышц и сосредоточенности на сцене (К. Станиславский. Моя жизнь в искусстве); «Шурик отхватил ножом кусок колбасы — настоящей, магазинной, а не из помойки! — и положил перед Бимом» (Г. Троепольский. Белый Бим Черное ухо).

Возможности эксклюзивного употребления рассматриваемых слов сильно ограничивает их свободное употребление — вне описанных выше условий. Свободное их функционирование обусловлено теми же лексическими значениями (см. выше), а также особенно лексическим значением, которое можно определить как «такой, который представляет собой лучший образец соответствующего качества, идеал», ср.: «[Валерия] была настоящая малороссийская красавица!» (И. Бунин. Зойка и Валерия). Это последнее значение почти не подвержено эксклюзивности (ни настоящий, ни подлинный в таком употреблении нам не встретились; см. выше случай со словом истинный), в силу строгой специфики употребления таких прилагательных в сочетаниях только с предикатными словами, где они обозначают высшую степень качества, по которому соответствующий предмет, лицо оценивается весьма *положительно*, часто эмоционально-экспрессивно.

Наблюдения, изложенные в данной статье, а также имеющиеся в нашем распоряжении другие данные показывают, что эксклюзивный характер получают в речевой ситуации не просто слова общей семантики, а слова, семантика которых по существу является оценочной. Подобные слова являются эксклюзивными в тех своих системных значениях, которые не относятся к денотативной сфере, не «затрагивают» качество предмета, явления и т. п. Этим объясняется и большая продуктивность прилагательных настоящих, подлинный, истинный в роли эксклюзивных слов, меньшая — прилагательных натуральный, действительный, естественный, «отягощенных» в большей степени денотативными признаками и только развивающих оценочные значения.

Ситуативные значения слов, употребляющихся эксклюзивно, как правило, располагаются в поле их системных значений и составляют как бы основание соответствующей общей оценки.

Список литературы: 1. Арутюнова Н. Д. Логические теории значения. — В сб.: Принципы и методы семантических исследований. М., Наука, 1976, с. 92—118. 2. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М., Наука, 1976. 383 с. 3. Капанадзе Л. А. Номинация. — В сб.: Русская разговорная речь. М., Наука, 1973, с. 453—456. 4. Словарь современного русского литературного языка, в 17 т. М., Изд-во АН СССР, 1950—1965.

ТИПОЛОГИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЙ И СИНТАКСИС РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Интенсивное изучение синтаксиса в кругу проблем общелингвистического описания разговорной речи заставляет по-новому взглянуть на такие, ставшие уже «традиционными», проблемы, как сущность и границы предложения, соотношение предложения и высказывания, понятия типа (модели, структурной схемы) предложения и типологии предложений и мн. др. Противопоставление письменной литературной и устной разговорной речи как различных языковых систем, как особого рода двуязычия вызывает обоснованные возражения, так как последовательное проведение этой точки зрения сделало бы необъяснимым факт общения в рамках общенародного языка с использованием разнообразных коммуникативно-стилевых сфер общения [4, с. 242]. На смену первоначально абсолютизированной обособленности синтаксических явлений разговорной речи приходит все шире распространяющийся взгляд на синтаксис разговорной речи как на подсистему единой системы синтаксиса общенационального языка. В связи с этим возникает двойкая задача: во-первых, установить внутреннее единство синтаксиса разговорной речи с синтаксической системой общенационального языка; во-вторых, исследовать специфику реализации этой системы с учетом особенностей разговорной речи как частной коммуникативной сферы.

Особенности построения высказывания в разговорной речи в значительной степени определяются такими экстралингвистическими факторами как непосредственность общения, спонтанность речи, персональность общения, диалогичность речи [9, с. 94—95; 8, с. 9]. В силу указанных условий в разговорной речи обнаруживается чрезвычайное разнообразие форм языкового выражения сообщения: от развернутых грамматически расчлененных предложений, выражающих определенные логические формы мысли, до грамматически диффузных высказываний, стоящих на грани собственно языковых средств выражения. В связи с этим становится очевидной невозможность охватить столь широкий диапазон качественно различных синтаксических образований единым понятием предложения. Вместе с тем неправомерен был бы и отказ от установления системных отношений между теми синтаксическими компонентами, которые являются качественно однородными.

Качественные различия многообразных синтаксических явлений, относимых к категории предложения, все в большей степени становились камнем преткновения для синтаксического анализа по мере привлечения к исследованию все более разнообразного материала [см. 10, с. 112—182] и, прежде всего,

материала разговорной речи, сначала в виде отражения ее в речи персонажей в драме и художественной прозе, а затем и как объекта непосредственного изучения. Становится все более настоятельной необходимостью разграничения высказываний-предложений, в структуре и семантике которых закреплены результаты познавательной деятельности мышления и которые представляют собой типизированные способы языкового отражения действительности, и диффузные высказывания-непредложения, возникновение и возможность восприятия которых целиком определяются их непосредственным включением в конкретную ситуацию. Такое разграничение должно исходить, однако, из достаточно широкого понимания синтаксической формы предложения с учетом всего многообразия способов выражения предикативности и вариативности типов предложений по степени полноты [1, с. 49] или, в иной терминологии, по составу позиций [5, с. 125—139]. Чрезмерно узкое понимание формы предложения неизбежно приводит к обедненному представлению системы синтаксиса в синтаксической теории, не отражающей многих существенно важных компонентов системы [3, с. 375; 2, с. 574—575].

Противопоставляя высказывания-предложения грамматически диффузным высказываниям следует, однако, учитывать их тесное взаимодействие в речи, в связи с чем граница между ними нередко оказывается нечеткой.

Единая для общенационального языка типология предложений, справедливо рассматриваемая как центр всей системы синтаксиса [1, с. 46], охватывает только те высказывания, которые в максимальной степени абстрагированы от конкретных условий протекания акта речи и являются относительно самостоятельными (синсемантическими) единицами. Совокупность таких структурных единиц обеспечивает как эффективность общения в условиях коммуникативно-стилевого многообразия современной речи, так и переход от одной коммуникативной сферы к другой.

Из такого понимания типологии предложений вытекает невозможность построения ее для грамматически диффузных высказываний разговорной речи: в силу их неразрывной связи с синпрактическим контекстом сведение их в систему инвариантов предполагало бы учет бесконечного разнообразия реальных ситуаций общения.

Типы предложений образуют систему, компоненты которой обладают различной вариативностью в частных коммуникативных сферах. Специфика синтаксиса разговорной речи определяется как наличием высказываний-непредложений, так и характером реализации типов предложений, входящих в структурно-синтаксическое ядро общенационального языка. Различные и разнонаправленные преобразования (компрессия, перестановка компонентов, плеонастическое развертывание и мн. др.), ко-

торым подвергаются в разговорной речи типы предложений, придают особое значение вопросу о границах вариативности предложений в частных функциональных сферах общения. В разговорной речи эти границы оказываются предельно широкими.

Внешняя ассоциативность построения высказывания в разговорной речи может рассматриваться как выявление средствами поверхностного синтаксиса диффузного речемыслительного содержания более глубоких уровней, минуя уровень структурирования формирующегося высказывания. Однако было бы неверно сводить все разнообразие синтаксиса разговорной речи к наличию в ней высказываний-непредложений. Исследование разговорной речи на материале разных языков показывает, что ее характерной чертой является не преобладание диффузных высказываний или наличие особых синтаксических единиц, а чрезвычайно широкие возможности варьирования общеязыковых структурных типов и особые принципы их компоновки в единое целое [9, с. 120]. Системный подход к синтаксису предполагает установление иерархической упорядоченности инвариантов (структурных типов) и их вариативных реализаций [7, с. 26]. Такому подходу противоречит атомизация синтаксического материала, при которой варианты структурных типов рассматриваются как самостоятельные инварианты.

Восприятие грамматически диффузных высказываний возможно лишь на основе «презумпции информативности» всякого сообщения в речи, а также их включенности в синпрактический контекст. Полная элиминация грамматической структуры таких высказываний (или сведение ее к грамматически неотмеченной) не только делает невозможным или крайне затруднительным восприятие их как сообщений за пределами конкретного акта речевого общения, но даже в пределах последнего не гарантирует той степени точности понимания, которую предполагают структурные схемы предложения. Отсюда столь характерные для разговорной речи случаи непонимания и порождаемые ими способы преодоления или предотвращения такого непонимания. Выработанные в разговорной речи средства обеспечения эффективности понимания отнюдь не остаются достоянием только этой сферы общения, но проникают и в полярно противоположную сферу письменной книжно-монологической речи.

Существование единой типологии предложений общенационального языка оказывает «нормирующее» влияние на самый процесс формирования и выражения мысли. В потоке грамматически диффузных высказываний нередко обнаруживаются фрагменты структурных типов предложений, облегчающие правильное восприятие соответствующих высказываний.

Если путь эволюции языка может быть представлен как «путь освобождения от зависимости от синпрактического контекста и постепенного формирования средств, повышающих

роль собственно языкового (грамматически построенного) синсемантического контекста» [6, с. 161], то история развития синтаксиса как науки идет по пути расширения объекта исследования в обратном направлении — от высказываний синсемантических к синпрактическим.

Список литературы: 1. Адмони В. Г. Типология предложения и логико-грамматические типы предложения. — Вопросы языкознания, 1973, № 2, с. 46—57. 2. Грамматика современного русского литературного языка. М., Наука, 1970. 767 с. 3. Есперсен О. Философия грамматики. М., Изд-во иностр. лит., 1958. 404 с. 4. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., Наука, 1973. 351 с. 5. Ломтев Т. П. Основы синтаксиса современного русского языка. М., Учпедгиз, 1958. 166 с. 6. Лурия А. Р. Основные проблемы нейролингвистики. Изд-во Моск. ун-та. 1975. 253 с. 7. Москальская О. И. Проблемы системного описания синтаксиса. М., Высшая школа, 1974. 156 с. 8. Русская разговорная речь. М., Наука, 1973. 485 с. 9. Сиротина О. Б. Современная разговорная речь и ее особенности. М., Просвещение, 1974. 144 с. 10. Ries J. Was ist ein Satz? Prag, 1931. 236 S.

Л. Г. РОЗВАДОВСКАЯ, канд. филол. наук

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ЯЗЫКОМ А. П. ЧЕХОВА-ПАРОДИСТА

В последние годы исследователи творчества А. П. Чехова все чаще обращаются к Антоше Чехонте, справедливо полагая, что в рассказах, шутках, сценках и пародиях 80-х гг. при всей их пестроте, сюжетной незначительности и стилистической ординарности заключены истоки единственной в своем роде чеховской поэтики и стилистики.

Известно, что первые произведения Чехова, опубликованные в марте 1880 г. в юмористическом журнале «Стрекоза», были пародиями. За первыми последовали другие — на уголовные и приключенческие романы, официально-деловые документы, на «драмы и трагедии». И почти неизменно — за веселыми, озорными, иногда саркастическими преувеличениями чеховских пародий угадывается острый интерес к форме, ясное понимание устарелости многих испытанных стилистических приемов, нетерпимость к рутине и большая, совсем «неюношеская», взрослая, зрелая самостоятельность и свобода мысли.

Особый интерес представляют те пародии Антоши Чехонте, в которых присутствует «пейзажный мотив», осмеиваются и отвергаются рутинные средства создания пейзажа («Что чаще всего встречается в романах, повестях и т. п.», 1880 г.; «Тысяча одна страсть или страшная ночь», 1880 г.; «Который из трех», 1882 г. и др.).

Высокое мастерство Чехова-пейзажиста общепризнано. Но техника, приемы, с помощью которых достигается особенное впечатление покоряющей достоверности и пленительной, обезоруживающей простоты, творческая лаборатория Чехова — мастера пейзажных описаний, остаются мало исследованными.

Из писем, написанных Чеховым в 80—90-е гг., из воспоминаний современников известно, что, отдавая должное Тургеневу и Толстому (см. письмо к Григоровичу от 12 января 1888 г., в котором Чехов пишет: «Я глубоко убежден, что пока на Руси существуют леса, овраги, летние ночи, пока еще кричат кулики и плачут чибисы, не забудут ни Вас, ни Тургенева, ни Толстого, как не забудут и Гоголя») [1, т. 14, с. 16], Чехов вел поиск «чего-то другого» (см. известное письмо Суворину от 24 февраля 1893 г., в котором он пишет о романе «Отцы и дети»: «Описания природы хороши, но... чувствую, что мы уже отвыкаем от описания такого рода и что нужно что-то другое») [1, т. 16, с. 32].

Нам представляется, что начало этого поиска отчетливо проявилось уже в пародиях первых пяти лет литературной деятельности писателя.

Что отрицает Чехов в «пейзажном стереотипе»? Многословие, преувеличенную восторженность, сентиментальность, суетливое сюсюканье по поводу природы, банальность, тягостное однообразие примелькавшихся деталей, эффектную картинность.

В пародии «Что чаще всего встречается в романах и повестях и т. п.» (1880 г.) тема природы получает следующее выражение: «Вьсь поднебесная, даль непроглядная, необъятная... непонятная, одним словом: природа!!!» [1, т. 1, с. 60].

Нарочитая эмоциональная приподнятость, нелепая патетичность этого отчаянного пейзажного возгласа подчеркнута формой свехвосклицательного предложения (три восклицательных знака), прерванного многоточием, символизирующим глубокое волнение, когда «нет более слов». Последнее насмешливо и тонко обнаруживается с помощью слова «непонятная», следующего за паузой-многоточием. Слово «непонятная» означает не тайну и не величие природы, оно просто *ничего*, точнее, *ничего ясного* не сообщает о природе; в совокупности с «непроглядной, необъятной далью» и «поднебесной вьсью» оно образует, скажем мягко, весьма условное описание, доминантой которого выступает пустая экзальтация.

Пародийным целям служит и нагромождение эпитетов, семантически объединенных указанием на громадность и исключительность называемых ими признаков (вьсь поднебесная, даль непроглядная, необъятная...). Размещение эпитетов после определяемых слов еще усиливает впечатление нелепой (по Чехову) восторженности по поводу природы.

В пародии 1881 г. «И то, и се» объектом иронии является манерная изысканность и банальность пейзажных описаний: «Воздух полон запахов, располагающих к неге: пахнет сиренью, розой; поет соловей, солнце светит... и так далее» [1, т. 1, с. 130].

Все в этом пейзаже — до «и так далее» — удручающе манерно и «традиционно»: старомодно-изысканное слово неге, книжно-поэтическое, для 80-х гг. XIX века явно устарелое (ср.

ироническое замечание в рассказе 1883 г. «Скверная история»: «В воздухе, выражаясь длинным языком российских беллетристов, висела нега...»); *роза*, совершенно обязательный пейзажный реквизит, и следующий за розой *соловей*. Нарастание чувства умиления достигается нанизыванием однородных членов, однородных конструкций (...пахнет сиренью, розой; поет соловей, солнце светит...) и многозначительным многоточием, внезапно обрывающим этот сентиментальный ряд банальностей. Автор пародии выдает небрежное, деловое «и так далее», следующее за многоточием и беззаботно разрушающее стилистическое единообразие цитируемого текста.

Интересно, что в рассказе 1887 г. «Почта», который не является пародией, в ином тоне, не смеясь, а сердясь, Чехов вернется к пейзажной банальности и вновь обнаружит ту неприменную фальшь, которая за нею скрывается. Он сделает это очень своеобразно, разместив пейзажные шаблоны между высказываниями, логически им противостоящими, снабдив каждый из этих шаблонов отрицанием «не» и подчеркнув их огорчительную неоригинальность вводным предложением «как пишут обыкновенно»: «Солнце взошло мутное, заспанное и холодное. Верхушки деревьев не золотились от восходящего солнца, как пишут обыкновенно, лучи не ползли по земле, и в полете сонных птиц не заметно было радости. Каков был холод ночью, таким он остался и при солнце» [1, т. 6, с. 268].

Стремление к дешевой эффективности и крикливой яркости пейзажных зарисовок разоблачается Чеховым с помощью испытанных пародийных приемов в фельетоне 1886 г. «Модный эффект»: «Все, что только есть в природе самого страшного, самого горького, самого кислого и самого ослепительного, драматургами уже перебрано и на сцену перенесено. Глубочайшие овраги, лунные ночи, трели соловья, воющие собаки, дохлые лошади, паровозы, водопады...» [1, т. 4, с. 574].

Соответственная ироническая настроенность возникает уже при чтении предложения, которое предпослано пейзажным эффектам и в котором как однородные называются признаки отвлеченно-абстрактные (страшное, ослепительное) и конкретные (горькое, кислое). Ирония усилена за счет того, что доза всех признаков неуместно велика — они выражены превосходной степенью имени прилагательного (все, что есть в природе *самого* страшного, *самого* кислого, *самого* горького и *самого* ослепительного...).

Комизм, возникающий при перечислении модных пейзажных эффектов, является следствием мнимой семантической однородности: в ряду пейзажных красот — глубочайших оврагов, лунных ночей, трелей соловья — оказываются «воющие собаки», «дохлые лошади» и «паровозы».

Комический эффект усилен иронической гиперболизацией признака (глубочайшие овраги) и стилистическим диссонансом,

который возникает в результате соединения традиционно-поэтических «трелей соловья» с «воющими собаками» и «дохлыми лошадьми», теряющими в описываемой речевой ситуации стилистическую нейтральность и звучащими грубовато-фамильярно.

Едва ли не самый большой интерес в плане данного очерка имеет остроумнейшая пародия 1880 г. «Каникулярные работы институтки Наденьки».

Институтка Наденька, выполняя домашнюю работу по русскому языку, «похитила» у Тургенева длинное «пейзажное» предложение и окружила его рамкой собственного сочинения. Думается, что цитирование Тургенева в «Каникулярных работах институтки Наденьки» — не невинная озорная шутка и не демонстрация мастерства Тургенева-пейзажиста, как утверждает М. Семанова в статье «Тургенев и Чехов» («В очерке Антоши Чехонте.. слышны отголоски этой злободневной темы дня — популярности Тургенева. В сочинении Наденьки... описание природы похищено из «Затишья» Тургенева») [2, с. 84]. Это — ироническое цитирование, прием не собственно пародийный, но близкий к пародии. Ирония заключается уже в самом факте цитирования Тургенева дремуче необразованной Наденькой (в ее работе по русскому языку имеются беспримерные утверждения: «Железная дорога шипит, везет людей и зделана из железа и матерьялов», «Говядина делается из быков и коров, баранина из овечек и баранчиков» и т. д.); в резком стилистическом диссонансе между тургеневским текстом и окружающими его стилистическими перлами. Уже «вступление» — «Природа была в великолепии» — обнаруживает дурно усвоенную книжность; слово «великолепие» — книжное, оно претенциозно и пошло в устах Наденьки, строчкой ранее сообщавшей о том, что она «прочла много книг и между прочим... Майкова, Дюму... Тургенева и Ломоносова».

То, что следует за цитатой из Тургенева, представляет собой набор пейзажных шаблонов в форме, шаржированной до нелепости: «Солнце то всходило, то заходило. На том месте, где была заря, летела стая птиц. Где-то пастух пас свои стада и какие-то облака носились немножко ниже неба. Я ужасно люблю природу» [1, т. 1, с. 68].

Комическое впечатление достигается соединением парным союзом то-то глаголов, обозначающих действия, далеко не совпадающие во времени («Солнце то всходило, то заходило»), игрою неопределенными значениями местоимений («...где-то пастух пас свои стада и *какие-то* облака носились...»), смешным алогизмом («...облака носились немножко ниже неба...») и преувеличенной патетичностью последнего «всплеска» — «я ужасно люблю природу».

Известно, что отношение Чехова к Тургеневу было очень сложным; восхищение великим художником соединялось

в Чехове с отрицанием тургеневского способа изображения действительности.

В этом плане цитирование Тургенева в «Каникулярных работах институтки Наденьки» может быть истолковано как выражение уже возникшего сомнения в том, что тургеневский пейзаж есть безусловный образец.

Таким образом, изучение ранних пародий Чехова позволяет утверждать, что поиск новых стилистических приемов создания пейзажа, все то, что позже образует единственную в своем роде, чеховскую манеру пейзажа, *начиналось* в писательской юности Чехова и впервые проявилось уже в пародиях 80-х гг.

Список литературы: 1. Чехов А. П. Сочинения. М., 1944—1949. 2. Семанова М. Тургенев и Чехов. — Ученые записки Ленингр. пединститута, 1957, с. 80—96.

Н. Н. МЧЕДЛОВА-ПЕТРОСЯН

РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИКИ АНГЛИЙСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XX ВЕКА

Наша задача заключалась в выявлении распределения лексики современной английской художественной речи. В соответствии с этим объектом эксперимента были произведения драмы, прозы и поэзии, написанные английскими авторами с 1950 г.

Непосредственный материал исследования составили произвольно взятые сплошные выборки текста стандартной длины в 1 тыс. словоупотреблений, представляющие три основных подъязыка художественной литературы: подъязык диалога, подъязык авторской речи в прозе и подъязык поэзии. Исследование осуществлялось методом структурно-вероятностного анализа, описанным в статьях А. И. Гавриловой и Н. Н. Мчедловой-Петросян в вестнике ХГУ за 1976 г.

Каждый из трех подъязиков представлен пятьюдесятью выборками; таким образом, вся выборочная совокупность составляет 150 выборок (150 000 словоупотреблений). Общий лексический объем ее достиг 12 827 лексем, причем обнаружена неравномерная наполняемость подъязиков лексикой: в подъязыке диалога зафиксировано 4616 лексем, в подъязыке авторской речи — 7002, в подъязыке поэзии — 8087.

Слова, достигшие порога неслучайного появления, т. е. присутствующие в трех выборках из пятидесяти для существительных, глаголов, прилагательных, наречий и в четырех — для всех остальных частей речи, вошли в списки отмеченной лексики каждого подъязыка в следующем количестве: 1213 лексем в подъязыке диалога, 1751 лексема в подъязыке авторской речи, 1960 — в подъязыке поэзии. При этом была выделена группа из 747 лексем, отмеченных одновременно во всех трех подъязы-

ках. В данной работе изложены результаты статистической обработки именно этой трехкратно отмеченной лексики.

В качестве основного вероятностно-дифференциального признака (ВДП) лексемы в распределительном словаре используется численный показатель коррелятивной функции (КФ), который указывает на отношение лексической единицы к данному подязыку, рассматриваемому в системе из всех трех исследуемых подязыков художественной речи. Эмпирически была установлена срединная нейтральная зона с $0.81 \leq \text{КФ} \leq 1.22$. Отсюда зона отрицательной специфичности или избегания устанавливалась при $\text{КФ} \leq 0.80$, а зона положительной специфичности или тяготения — при $\text{КФ} \geq 1.23$.

В зависимости от принадлежности КФ лексемы к одной из указанных зон во всех трех подязыках определялся тип ее распределения согласно классификации, предложенной Р. Н. Артемовым: I тип — все КФ в зоне нейтральности, II — КФ в зоне избегания и тяготения, III — КФ в зоне нейтральности и тяготения, IV — КФ в зоне нейтральности и избегания, V тип — КФ в зоне нейтральности, тяготения и избегания. Мы сделали попытку расширить классификационный аппарат, выделив два типа вместо одного второго, а именно: IIa, лексика которого тяготеет к одному подязыку, избегая двух других, и IIб, включающий избегание одного и тяготение к двум другим. По числу выборов, в которых представлено слово, определялась степень его представленности: А—150 выборов, Б—60—149, В—30—59, Г—15—29, Д—9—14. Табл. 1 показывает соотношение между типами распределения и степенями представленности. Порядок следования типов распределения сверху вниз соответствует убыванию количества содержащейся в них лексики.

Таблица 1

Типы распределения	Степени представленности					
	А 150	Б 60—149	В 30—59	Г 15—29	Д 9—14	Всего
V	—	49	91	133	28	301
I	3	87	26	27	26	169
IIa	—	10	46	54	18	128
IV	—	22	24	25	6	76
III	—	9	13	9	19	50
IIб	—	4	9	10	—	23
Всего	3	181	204	262	97	747

Последовательность же лексических типов в порядке убывания содержащейся в них доли ступеней А и Б такова: I тип — 0.53, IV—0.29, III—0.18, IIб—0.17, V—0.16, IIa тип — 0.08.

За первым типом — равномерного распределения — следуют два типа, практически весьма близкие ему, т. к. из их трех

Существительные	КФ	АВ в подъязыке поэзии	АВ суммарное
stone	2.3	26	34
bird	2.2	21	29
bone	2.2	18	25
wind	2.1	24	34
wing	2.1	11	19
Глаголы			
burn	2.2	24	33
grow	2.0	28	42
shine	1.9	14	22
Союзы			
nor	2.0	26	40
though	2.0	32	48
till	1.9	23	37
Прилагательные			
sweet	1.9	10	16
naked	1.7	8	14

КФ две находятся в нейтральной зоне, а третья указывает на слабую специфичность (тяготение в III типе и избегание в IV).

Чем сильнее выражена специфичность лексики, в особенности положительная, тем ниже в ней доля слов с высокой представленностью. Действительно, чем сильнее лексема «привязана» к подъязыку драмы, поэзии или авторской речи, чем она характернее именно и только для него, тем реже она встречается в других подъязыках, что понижает ее суммарную встречаемость в текстах художественной литературы. Так, например, следующие лексемы обнаруживают самое высокое значение КФ и АВ (абсолютного вхождения) в текстах подъязыка поэзии. Табл. 2 иллюстрирует соотношение между типами распределения и частями речи. В V, IIa и с небольшим отклонением в III типе наблюдается последовательное убывание лексики с уменьшением знаменательности частей речи. В I и IV типах последовательность эта нарушается в пользу наименее знаменательных частей речи. Во IIб типе не обнаруживается четкой закономерности, очевидно, вследствие малого объема лексики.

Последовательность типов распределения в порядке убывания доли служебных слов такова: I тип — 0.19, IIб — 0.17, IV — 0.16, V — 0.09, IIa — 0.07, III тип — 0.06.

Доля существительных убывает следующим образом: IIa тип — 0.41, IV — 0.39, V — 0.35, III — 0.28, IIб — 0.26, I тип — 0.24.

Приведенные данные позволяют заключить, что высокая представленность лексики I и IV типов объясняется большей долей содержащейся в них лексики малой знаменательности и связанной с этим равномерностью распределения.

Типы распределения	Части речи					Всего
	существительное	глагол	прилагательное	наречие	остальные	
V	104	78	50	41	28	301
I	41	48	21	27	32	169
IIa	52	38	19	10	9	128
IV	30	18	7	9	12	76
III	14	18	9	6	3	50
IIb	6	8	3	1	5	23
Всего	247	208	109	94	89	747

Шесть списков плюс-специфичной лексики, т. е. лексики, тяготеющей к одному из подязыков, включили лексику IIa, III и V типов в порядке убывания КФ и АВ. При этом лексем с наибольшими значениями КФ, а именно с $KФ > 1.8$, более всего оказалось в подязыке поэзии — 32, что составляет шестую часть всей тяготеющей к нему лексики. В подязыке диалога несколько меньше — 19, что составляет восьмую часть его специфичной лексики, а в подязыке авторской речи — всего 10, что составляет семнадцатую часть всех тяготеющих к нему слов.

Из списков, составленных в порядке убывания АВ, слов с наиболее высокими значениями АВ, т. е. с $AB > 25$, оказалось: в подязыке диалога — 48, т. е. треть данного списка, в подязыке поэзии — 38, т. е. пятая часть списка, в подязыке авторской речи — 18, т. е. одна десятая.

Из этого можно сделать вывод, что подязык поэзии включает наибольшее количество тяготеющих к нему слов, причем тяготение это выражено интенсивнее, чем в других подязыках. В то же время представленность наиболее высока в подязыке диалога.

Л. В. ДОРОГАНЬ

СЛОВАРНАЯ РАБОТА НА МАТЕРИАЛЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В СВЯЗИ С ИЗУЧЕНИЕМ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Известные методисты прошлого К. Б. Бархин и Е. С. Истрина писали, что «задача словарной работы в школе — не одно только расширение словарных запасов учащихся: слов у детей и подростков довольно много, но беда в том, что слово, заимствованное из книги, из разговора окружающих, нередко опережает мышление ребенка и подростка: оно часто не соответствует степени его понимания, способности опираться на ассоциации... — и тут задача преподавателя — поднять класс и отдельного учащегося до настоящего понимания слова в художественном произведении и политической речи, развить быструю и сильную реакцию на слово» [1, с. 202]. Эти рекомендации не только не утратили своей актуальности, они обрели особую значимость в наше время. Привитие навыков сознательного отношения к слову и воспитание стилистического вкуса возможно лишь при условии параллельного проведения словарной работы на уроках языка и литературы. Работа над словом на материале литературных произведений позволит закрепить соответствующие лексико-грамматические категории и расширить возможности учащихся «более глубоко постигать читаемое художественное произведение и в целом и в каждом его элементе»... [1, с. 202].

Одним из основных в новой программе по русскому языку является раздел «Словообразование». Изучение морфемы как значимой части слова и некоторых словообразовательных понятий способствует повышению грамотности, воспитывает внимание к слову. С целью прочного усвоения этой сложной темы необходимо и на уроках языка, и на уроках литературы сосредоточить внимание на семантической мотивации производных слов, на толковании слов, используя при этом и семантику составляющих их морфем. Успешное усвоение словообразовательных понятий, объективно трудных для школьников, возможно при условии их систематического повторения на уроках языка и литературы. К тому же стилистическую роль аффиксов можно

нагляднее продемонстрировать при анализе языка художественных произведений. По мнению М. А. Рыбниковой, детям следует показывать «прелесть и значимость суффикса», который в народных сказках и причитаниях нередко приобретает характер эпитета. Параллельно с работой над темой «Словообразование» учащиеся пятого класса знакомятся с баснями И. А. Крылова. Раскрытие значений отдельных слов и выражений особенно важно при изучении эзоповского языка басен Крылова, нравоучительный смысл которых не всегда понятен школьникам. На такой анализ нацеливает и программа по литературе, в соответствии с которой необходимо выявить своеобразие мастерства Крылова-баснописца, а также особенности языка его басен, вобравших в себя драгоценные россыпи народной мудрости, подчеркнуть их близость к живой разговорной речи народа. Учитель выделяет в анализируемом тексте слова, содержание которых, по его наблюдениям, нуждается в толковании и осмыслении. Существуют различные приемы раскрытия содержания слов и выражений. Как известно, в подстрочных комментариях авторы учебных хрестоматий разъясняют незнакомые слова при помощи более простых по составу и более доступных пониманию детей слов-синонимов. Прием синонимизации и описательного толкования слов при помощи фразы или краткого рассказа требует от учащихся запоминания значений новых слов по ассоциации с уже известными. Более ценным, на наш взгляд, является использование семасиологического и грамматического анализа непонятных слов, что предполагает активную работу мысли ученика. При этом важна оценка слов и выражений с точки зрения современного русского языка и идейно-политическая направленность комментария. В соответствии со школьной программой обратимся на уроке по словообразованию к некоторым из басен Крылова, в которых обличаются несправедливые общественные порядки того времени, а также человеческие пороки и недостатки, и посмотрим, как все это отражается в языке. В центре такой работы должна быть прежде всего проблема стилистической роли аффиксов, семантика морфем. Мы не ставим задачи полностью осветить уроки по изучению творчества Крылова. Остановимся лишь на отдельных фактах, которые помогут показать важность использования крыловских текстов для закрепления понятий словообразования как средства развития речи учащихся. Беседу учитель начнет с ознакомления пятиклассников с выдержкой из книги поэта Н. Асеева «Жизнь слова»: «Припомним любую из басен Крылова — и раскроется необычное звуковое изящество речи, совершенно незаметное внешне, но совмещающее прелесть звучания с его целесообразностью. Вот «Ворона и лисица». Какие звуки подобраны для неуклюжей, глупой, тщеславной вороны? «Взгромоздясь», «позавтракать», «призадумалась» — тяжелые сочетания звуков «взгр», «зд», «з», «зетр». И какие для лисицы?

«Лиса близехонько», «Лисицу сыр пленил». А вкрадчивость, лъстивость лисицыной речи, почти придыхание, почти шепоток:

...Голубушка, как хороша!..

Какие перушки! Какой носок!

И, верно, ангельский быть должен голосок!...

Свистящие, в уши влипающие слова, причмокивания от фальшивой восторженности: «светик», «сестрица», «перушки», «хороша», «голубушка» — шуршание и присвист, шелест и ханжество — вот речь лисицы. Что же, возразят мне, Крылов сидел и подбирал слова именно с таким звучанием для того или иного зверя? Нет, Крылов знал язык в таком совершенстве, что слова сами приходили к нему в нужном случае, руководимые поэтической мыслью, но и выражающие эту мысль самым звучным, то есть самым впечатляющим образом» [3, с. 101].

Вслед за этим можно предложить учащимся ряд упражнений по тексту известных им басен такого характера: 1. Выписать из басни «Ворона и лисица» именные словосочетания. Прилагательные подчеркнуть. Определить способ их образования, обозначить словообразовательную морфему. Определить значения словообразовательных морфем. Имеются ли среди словообразовательных морфем синонимичные? С какой целью употребляются в тексте басни такие прилагательные? (Учащиеся находят словосочетания: *ангельский* голосок, *сырный* дух, *вещуньи*на голова, *лисицыны* слова, *воронье* горло — и отвечают на вопросы задания). 2. Какая басня начинается предложением: «У сильного всегда бессильный виноват»?... Как вы понимаете смысл данного выражения? Сравните эту фразу с выражением из другой басни Крылова «Лев и Барс»:

Да сильные ж в правах бывают часто слепы.

У них на это свой устав:

Кто одолеет, тот и прав.

Какие значения в этих отрывках имеют слова *сильный*, *бессильный*? Прямым или переносным они являются. Укажите производящую основу (слово) для первого и второго. Свой ответ обоснуйте. 3. В басне «Волк на псарне» встречаются слова овец, овчарня, волк, волчий (клятвой), псарня, псарный (двор), псы, псари и другие, среди которых имеются однокоренные и одноструктурные. Объедините слова в словообразовательные ряды. Объедините в гнезда слова однокоренные. Для последних постройте словообразовательную цепочку. Обратите внимание на то, что в другой крыловской басне «Кот и повар» также имеются имена существительные, построенные по той же модели, что и слова анализируемого словообразовательного ряда: «Какой-то Повар, грамотей, С поварни побежал своей»..., «И Ваську-де, не только что в поварню, Пускать не надо и на двор, Как волка жадного в овчарню». Найдите эти слова. Как они образованы? Какое значение имеет словообразовательный суффикс? 4. В баснях «Осел и Соловей», «Квартет», «Демьянова уха» и других

встречаемся с эмоционально окрашенными словами, имеющими уменьшительно-ласкательные или увеличительно-пренебрежительные суффиксы. Выпишите эти слова. Суффиксы подчеркните. Какое смысловое значение имеют такие слова в баснях Крылова? В каком стиле речи они в основном встречаются? Определите их художественную функцию. 5. В басне «Осел и Соловей» читаем:

Тут Соловей являть свое искусство стал:
Защелкал, засвистал
На тысячу ладов, тянул, переливался.

Объясните значение глагола *являть*. Определите семантику приставок в словах *защелкал*, *засвистал*, *переливался*. Приведите примеры глаголов с теми же приставками. 6. Известно, что в басне «Синица» рассказывается о тщеславной Синице, которая «хвалилась, что хочет море сжечь». «Расславилась тотчас о том по свету речь», — говорится в басне. Объясните, как понимаете вы это выражение? В каком значении употребляет баснописец индивидуальное, авторское образование *расславилась*? Какое содержание имеет здесь приставка *рас-* (ср. также: *растрезвонить*, *рассказать*, *распространить* и др., т. е. «действие совершить с большой интенсивностью».) Выясните способ образования слов *расславилась*, *тотчас*. 7. Из басни «Лжец» выписать имена существительные со значением «лицо мужского пола». Определить способ их образования. Суффиксы, где они выделяются, — подчеркнуть. Подчеркнуть словообразовательные синонимы, подобрать к ним антонимы. (Школьники выпишут слова *дворянин*, *князь*, *приятель*, *творец*, *лжец*, *журналист*, *портной*, *лгун*. Учитель должен обратить внимание учащихся на немотивированное слово *приятель*, в котором сегмент «тель» не является суффиксом. Это даст возможность еще раз подчеркнуть мысль о том, что морфема — это только значащая часть слова). 8. Сделайте словообразовательный анализ выделенных слов, покажите, чем они мотивированы:

С ним из окна в окно
Жил в хижине *бедняк*
Сапожник, но
Такой *певун* и весельчак
(«Откупщик и Сапожник»).

Одинаковое ли значение имеют суффиксы в этих словах? На конкретных примерах покажите, что суффиксы так же, как и слова, могут быть многозначными.

Приведенные здесь упражнения способствуют более прочному усвоению как словообразовательных понятий, так и хрестоматийных художественных произведений, в частности басен И. А. Крылова. Богатый дидактический материал по словообразованию дают названия басен, например: «Откупщик и сапожник», «Собачья дружба», «Троеженец», «Любопытный», «Слон на воеводстве», «Трудолюбивый» и др. Учитель может

предложить пятиклассникам проиллюстрировать все изучаемые в V классе способы русского словообразования именами существительными и прилагательными — названиями басен Крылова, при этом важно также обратить внимание на разнообразную семантику словообразующих морфем, особенно суффиксов. Ср.: «Разборчивая (Невеста)» — *чив* — означает «склонность к действию, названному мотивирующим словом»; «Воспитание Льва» — *ниј* — значение «действие (процессуальное) по глаголу»; «Тришкин кафтан» — *ин* — значение «принадлежность лицу» и т. д. Учащиеся почти не встречаются здесь с трудными случаями — определение семантики анализируемых морфем им вполне по силам.

Неоценимое учебно-воспитательное значение имеет использование на уроках по словообразованию нравочений Крылова. Морфемный и словообразовательный анализ отдельных слов (здесь они выделены) дает возможность сочетать обучение и воспитание: «Кто с пользою отечеству трудится, Тот с ним легко не разлучится» («Пчела и Муха»). «Кто самолюбием чрезмеру поражен, Тот мил себе и в том, чем он другим смешон» («Апеллес и Осленок»). «Кто про свои дела кричит всем без умолку, В том, верно, мало толку» («Две бочки»). «Скупой теряет все, желая все достать» («Скупой и курица»). «Кто добро поистине, не распложая слова, В молчаньи тот добро творит» («Добрая Лисица») и др. (Учащиеся должны объяснить также нравоучительный смысл данных выражений).

Такого типа задания в целях экономии учебного времени могут быть предложены на индивидуальных карточках и выполнены как на уроках языка, так и на уроках литературы.

В заключение полезно сообщить школьникам о том, что меткость и образность языка басен Крылова, их близость к народно-разговорному языку, в чем определенную роль играют и словообразовательные средства, обеспечила крыловским басням вторую жизнь. В годы первой русской революции 1905 г. они были использованы прогрессивными журналистами в борьбе с самодержавием. Применявшийся при этом прием травестирования (перелицовки, подставки) позволил вложить в старую форму «социально заостренное содержание» и превратить басни в политическое оружие большой силы [2, с. 14; с. 34].

Мы привели здесь примеры использования текстов бысен Крылова в словарной работе на уроках русского языка. Подобные упражнения могут быть разработаны и на материале других художественных произведений.

Список литературы: 1. Бархин К. Б., Истрина Е. С. Методика русского языка в средней школе. М., Учпедгиз, 1937. 307 с. 2. Дмитриев В. Г. Вторая жизнь басен Крылова—Русская речь, 1973, № 5, с. 14—18. 3. Люстрова З. Н., Скворцов Л. И. Мир родной речи. М., Знание, 1972. 159 с. 4. Спиридонова (Евстигнеева) Л. А. Русская сатирическая литература начала XX в. М., Наука, 1977. 303 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Вопросы украинской филологии

Телехов В. Л. Наука как объект художественного отображения . . .	3
Олляк Н. Б. Жанровые особенности повести «Конопотская ведьма»	
Г. Ф. Квитки-Основьяненко . . .	9
Авксентьев Л. Г., Ужченко В. Д. Некоторые особенности становления фразеологических единиц в украинском языке . . .	16
Боярова Л. Г. Синонимические отношения как один из видов семантической связи фразеологизмов . . .	23
Сагаровский А. А. К вопросу о контактах разномысловых систем (на материале словоизменений украинских говоров Белгородской области РСФСР) . . .	26
Войнов В. К. Количественный анализ употребления морфологических классов в позициях «начало», «конец» предложения в украинских художественных текстах . . .	31

Вопросы русской и зарубежной филологии

Березникова Л. П. К проблеме гуманизма в творчестве Л. Леонова (из наблюдений над романом «Соть») . . .	38
Московкина И. И. Проблемы поэтики русского рассказа в новейших советских исследованиях . . .	46
Михилев А. Д. К проблеме природы смеха в творчестве Курта Воннегута . . .	51
Луцкая Ф. И., Сидорова И. М. Истоки и основные линии развития латиноязычной литературы XVI—XVIII веков на Украине и в России . . .	59
Сукаленко Н. И. Лексическая сочетаемость и норма . . .	63
Ширококорд Е. Ф. Слова эксклюзивной семантики в современном русском языке . . .	67
Юхт В. Л. Типология предложений и синтаксис разговорной речи . . .	73
Розвадовская Л. Г. Из наблюдений над языком А. П. Чехова-падундиста . . .	76
Мчедлова-Петросян Н. Н. Распределительный анализ лексики английской художественной литературы XX века . . .	80

Методика

Дорогань Л. В. Словарная работа на материале литературных произведений в связи с изучением словообразования . . .	84